

Джейн По

Аисторез

18+

Джейн По Листорез

<https://litres.ru/74377304>

SelfPub; 2026

Аннотация

Николь семнадцать. Она живет в маленьком городке, встречается с популярным парнем школы и делает вид, что у нее все под контролем.

Но одно случайное дежурство меняет привычный мир. Чем сильнее Николь пытается игнорировать собственные чувства, тем глубже запутывается в страхе, чужих ожиданиях и лжи, которую говорит самой себе.

Когда одна ошибка запускает цепочку событий, остановить ее уже невозможно.

История не столько о первой любви, сколько о том, как легко потерять себя, пытаясь быть удобной для других.

О дружбе, которая спасает и разрушает одновременно.

И о том, что иногда самое страшное признание — это признание самому себе.

Содержание

Глава 1. Дежурство	5
Глава 2. Четвертый час	27
Глава 3. Прогуляем?	47
Глава 4. Трибуны	62
Глава 5. Переходный процесс	87
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Джейн По Листорез

Глава 1. Дежурство

ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ: ЛИСТОРЕЗ

Запись #1

Если убрать из колонии ключевую особь, система продолжит работать, но вскоре маршруты собьются, ресурсы будут потеряны и возникнет хаос: со стороны это кажется внезапным, но на самом деле критический слом начался гораздо раньше.

— О, черт... Нет-нет-нет... Я катастрофически опаздываю... — хрипло выдыхаю, накрыв лицо руками.

Отличное начало отличного дня!

Первое, что я вижу, приоткрыв глаза — это солнце, и оно нагло светит мне прямо в лицо сквозь полуоткрытые шторы, игриво насмехаясь надо мной: «Мол, доброе утро, Никки, ты снова все проспала».

Черт.

Оглядываюсь по сторонам. Голова трещит. Моя комната выглядит как после мини-апокалипсиса, и нет, тут не было вечеринки всю ночь — она так выглядит всегда. Ребята с плакатов старых рок-групп — The Runaways, Arctic Monkeys, Nirvana, Sex Pistols — и какой-то наполовину оторванный гитарист, которого я вечно обещаю переклеить, смотрят на

меня с немым пониманием. Уверена, они тоже ненавидели школу.

Недовольно протонав, принимаю вертикальное положение и оглядываю пол в поисках нужных вещей. Где-то под рисунками нахожу джинсы, носки (один под кроватью, второй в одеяле) и любимую зеленую рубашку в клетку. Там же валяются тетради и скетчбук с недорисованным профилем. Поморщившись, толкаю рисунок ногой под кровать. Некоторые лица лучше не вспоминать по утрам.

Хлопаю себя по щекам в надежде быстрее прийти в чувства и сфокусировать взгляд.

— Проснись, Тернер. Это уже не смешно, — шепчу, зачесывая длинные красные волосы назад.

Чертов старый будильник снова сработал на два часа позже. Я честно хочу отнести его в ремонт вот уже третью неделю, но вечно что-то мешает. Лиз советует купить новый и выкинуть эту «часть прошлой жизни», но я не могу. Это единственная вещь, напоминающая мне об отце. Маленький розовый будильник-котенок. Максимально чужеродно смотрится в моей комнате.

Когда мне было пять, папа говорил, что этот кот выглядит точь-в-точь как я по утрам: злой, лохматый и готовый убить любого, кто разбудит раньше времени.

Прибор давно сломался.

Папа тоже давно исчез.

Осознав, что первый урок я уже пропустила, начинаю ме-

таться по комнате, будто участвую в квесте «собери себя, пока горит спичка».

— Черт, черт, черт...

Нужно успеть хотя бы на биологию, иначе маме снова позвонят из школы. А я не хочу доставлять ей проблемы. Опять.

Впопыхах натягиваю футболку задом наперед. Отлично. Переодеваю, и это заставляет нервничать еще сильнее.

Рюкзак с нашивками любимых групп висит на ручке двери. К счастью, хотя бы его искать не приходится. Резким движением перехватываю плотную лямку и сгребаю со стола первые попавшиеся тетради.

Спешу к выходу, спотыкаюсь о скомканное одеяло и впечатываюсь плечом в стену. Я уже говорила, что день обещает быть отличным?!

Начинаю думать, что это знаки Вселенной и лучше остаться сегодня дома, затем вспоминаю прошлый звонок из школы и мамины наставления, делаю глубокий вдох носом и заставляю себя двигаться дальше.

Запах кленового сиропа и выпечки, доносящийся из кухни, на секунду заставляет желудок сжаться от голода. Мама, конечно, уже ушла на работу, но оставила стопку панкейков на столе. Хватаю один, запикиваю в рот почти целиком и, пока жую, пытаюсь одновременно собрать свои алые волосы в хвост и пропихнуть стопу в кед. В зеркало не смотрюсь принципиально: чем меньше знаю о своем лице в 9:40 утра,

тем лучше для психики.

Наконец-то! Старые, любимые «конверсы» на ногах, рюкзак за спиной, дверь захлопывается, и я выскакиваю на улицу... Чтобы увидеть, как голубой хвост городского автобуса медленно, почти театрально, скрывается за поворотом.

— Ну за что-о-о?!

Следующий будет только через полчаса. Закидываю голову назад, безнадежно простонав в небо. Мой единственный шанс добраться до школы быстрее только что безвозвратно исчез.

Бежать через сквер — паршивая идея, но единственная. Я вообще считаю, что бег по утрам — это какое-то изощренное насилие над собой.

Пока я задыхаюсь на ходу, кто-то из соседей попивает утренний кофе на крыльце, кто-то просто читает газету и никуда не спешит, а кто-то получает милый поцелуй от жены, уходя на работу.

Здесь, в Редлендс, жизнь течет неспешно, даже магазинчики открываются чуть позже девяти.

Кажется, я — единственный хаос этого городка.

— Нет, точно надо купить новый будильник. Или велосипед, — недовольно бурчу, пробегая мимо аккуратных домиков. — Точно, велосипед. Это же так романтично.

Представляю, как я в наушниках плавно лавирую между улочками, будто бабочка, ветер развеивает мои волосы, и никаких больше опозданий... Ага, конечно.

— Хорошего дня, Никки! — крикнул мистер Льюис, подстригающий свой идеальный сочный газон.

— И вам, мистер Льюис! — машу рукой и несусь дальше. Каждое движение отзывается тяжестью в ногах, а в легких начинает неприятно жечь, напоминая о моей нулевой выносливости. К горлу подступает тошнотворный привкус наспех проглоченного теста.

Не выдержав такой тренировки, останавливаюсь на секунду, упираюсь ладонями в колени и делаю пару глубоких вдохов.

— Так. Спокойно. Дыши. Тебе еще нужно дожить до выпускного, — пытаюсь подбодрить себя, слыша, как сердце бешено стучит в ушах.

Кажется, пора брать пример с Рика и все-таки заниматься спортом. Когда-нибудь. Позже.

Кое-как заставив ноги двигаться, я преодолеваю последние сотни футов до школьного крыльца, взлетаю по лестнице и на автопилоте несусь по пустому коридору второго этажа.

Дверь класса я распахиваю с эффектом, достойным театральной сцены. Задышающаяся, с красным лицом и волосами, которые решили жить своей жизнью и залезть мне прямо в рот.

Нужно было посмотреть расписание перед выходом, потому что если бы я знала, что биология, будет вторым уроком, а не третьим, то никогда бы не пришла. Тем более посреди занятия. Я вообще не хотела выбирать этот предмет,

но послушала Лизу и поверила в сказку, что это будет легко и даже забавно.

В классе воцарилась гробовая тишина, и все уставились на меня. О, просто «обожаю» этот момент.

— Провал... — шепчу, поправляя волосы — Здравствуйте. Простите, я могу...?

— Ты что, возомнила, будто можешь являться на мой урок, когда заблагорассудится?! — мистер Питт вскочил так резко, будто его укусил один из его любимых муравьев.

Третье опоздание за неделю. Мне точно не сдать этот предмет. Опаздывать к мистеру Питту — это как добровольно записаться в отряд «чистим клетки крыс до конца своих счастливых школьных дней».

— А-а-а... я... не... мой будильник... — пытаюсь одновременно отдышаться и оправдаться, но не получается ни то, ни другое.

Ужасная комбинация.

Кто-то в классе хихикнул. Кажется, это был голос Терезы. У нее всегда этот писклявый смех, будто кто-то водит вилкой по тарелке.

— Тернер! — учитель сделал паузу, придумывая наказание. — После уроков останешься убирать кабинет. Заодно поможешь Кристоферу почистить крысиные клетки.

Хихиканье стало громче.

— Что?? Почему...?!

Мистер Питт прищурился, поправляя очки.

— Потому что это твоё третье опоздание за неделю, Тернер. Кристофер сегодня как раз работает в лаборатории, так что он проследит, чтобы ты вычистила все до последнего угла и ничего там не разгромила. Может, под его присмотром ты научишься ответственности и дисциплине.

— Но, мистер Питт...

— Хватит срывать урок! Займи свое место, юная леди!

Спорить с ним было все равно что спорить с бетонной стеной. Хотя стена, возможно, была бы мягче.

Недовольно падаю на стул и машинально кидаю взгляд на Криса. Вот уж с кем я точно не планировала проводить время после уроков, так это с ходячей энциклопедией.

Он поймал мой взгляд и тут же отвернулся, уткнувшись в учебник.

Черная футболка с логотипом школьного научного клуба — ну, конечно. Наверное, он не расстанется с этой эмблемой даже на выпускном. Поверх накинута оливковая рубашка, которая немного разбавляет его неприметный образ.

Кристофер Эванс.

Самый тихий парень школы «Ист-Вэлли». Непопулярный и умный до невозможности. Он из тех, кто знает ответ еще до того, как учитель закончит задавать вопрос.

Но если честно... он совсем не похож на классического «ботаника». Высокий, стройный, с темно-каштановыми вьющимися волосами, которые вечно лезут ему на лоб, пряча изумрудные глаза.

А когда он улыбается...

Да, он определенно стал чертовски привлекательным. Удивительно, что у него до сих пор нет девушки. Хотя, учитывая его график, наверное, нет времени даже на нормальный сон.

В средней школе ходили слухи, что он играл в баскетбол и у него даже были друзья, но потом случилась одна «С» (кстати, именно по биологии), и его отец подумал, что сын скатится по наклонной, если продолжит в таком духе. Мистер Эванс решил, что Крис станет гением науки, даже если придется выжечь из него все остальное. И с тех пор Кристофер спрятался за стопками книг.

Боковым зрением замечаю, что его взгляд снова скользнул по мне. В голове проносится паническая мысль: «Да что не так?!»

Машинально тянусь к волосам, пытаюсь пригладить их. А может, у меня лицо в кленовом сиропе?

Резко отворачиваюсь к окну, уткнувшись взглядом в раскидистый дуб.

Мы учимся вместе с первого класса. В начальной школе получали одинаковые дурацкие грамоты за «активное участие в проектах». Да-да, я тоже была немного другой раньше.

Иногда мне кажется, что он до сих пор смотрит на меня так, будто ждет, что я что-то скажу, но после той дурацкой записки мы ни разу больше не разговаривали. А в старших классах вообще перестали даже здороваться.

Внутри неприятно кольнуло.

Тот год в средней школе был худшим в моей жизни. В двенадцать лет ты отчаянно пытаешься казаться крутой, но на деле жутко трусишь. Особенно когда твой собственный дом перестает быть безопасным местом, а привычный мир трещит по швам.

.....

Крис стоит у края школьного двора, крепко сжимает в руках сложенный вчетверо листок бумаги, будто он может убежать.

— Никки... — окликнул он неуверенным голосом. — Это тебе.

Я спешила домой, но эта ситуация была настолько неожиданной, что заставила меня остановиться.

Нахмурившись, беру и разворачиваю записку прямо при нем.

Там красуется всего одна фраза, написанная кривым почерком.

Хочешь завтра прогулять школу вместе?

Прочитав это, я просто... рассмеялась.

Так, что услышали все остальные.

— Ты серьезно? Прогулять? С тобой?

Кто-то из проходящих мимо кинул смехок. Но я даже не увидела, кто это был.

Крис стоит и не двигается. Как вкопанный. Он не пытается меня перебить или как-то объяснить. Просто смотрит и ждет, когда я остановлюсь.

Но я не останавливаюсь.

— Это... мило, конечно, — мягко говорю, все еще улыбаясь, — но тебе не кажется, что ты немного... не в теме?

Растерявшись, он быстро опускает глаза, забирает записку обратно, и, небрежно поправив свои очки, поспешно уходит под смехи других ребят.

.....

Перевожу взгляд на Криса и замечаю, что он не пишет.

Смотрит в тетрадь, будто читает, держит ручку, но не пишет ни слова.

Спустя несколько секунд он медленно проводит ладонью по волосам и снова начинает писать.

— Муравьи-листорезы распространены в тропических лесах Центральной и Южной Америки... — монотонно бубнит мистер Питт, навевая сон.

Я продолжаю машинально чиркать что-то в тетради, прогоняя мысли о прошлом. Конспектирую основные тезисы, иногда отвлекаясь на рисование маленьких язычков пламени на полях и выводя слово «хаос». Почти весь март посвящен изучению этих муравьев. Скука смертная.

Звонок прозвенел как спасительный гимн свободы, класс одновременно выдохнул и засуетился к выходу.

Кафетерий встретил нас запахом картошки фри и шумом сотни разговоров.

— Ох, и сочувствую я тебе! — рассмеялась Лиза, пока мы занимали наш столик у окна. — Уборка с Крисом. Это так романтично! — она театрально приложила руку к груди.

— Хватит тебе. И так день не задался, — бурчу, толкнув ее локтем в бок.

Лиза — моя противоположность. Она — спокойствие и ходячий синоним слова «правила». Живет будто согласно инструкции: домашние задания всегда выполнены вовремя, ланч-бокс собран с вечера, а репутация чище, чем у новорожденного.

Ее русые кудри игриво касаются плеч, хоть как-то отвлекая внимание от скучного наряда — белая футболка и синие джинсы. Почти всегда.

С раздражением сдергиваю прозрачную пленку со своего сэндвича, мысленно продолжая злиться на несправедливость мистера Питта.

Лиза лишь понимающе хмыкает на мой агрессивный выпад.

— Да ладно, — улыбнулась она, потягивая диетическую колу через трубочку. — Ты его даже не заметишь. Он как те букашки, которых разводит.

— Точно... Как те муравьи... Как же они называются? — хмурюсь, пытаюсь вспомнить.

— Листорезы, — с довольным видом отвечает подруга.

— Точно!

— Слышала... — Лиза придвинулась ко мне почти вплотную, будто собиралась выдать секреты Пентагона. — Наш листорез в тебя влюблен.

— О, нет! Где ты набралась этой глупости? — демонстративно закатываю глаза, а сама невольно вспоминаю ту дурацкую записку. В горле начинает пересыхать.

— Алекс на днях заходил в лабораторию к мистеру Питту, чтобы умолять о пересдаче теста, иначе тренер отстранит его от матча. Говорит, Эванс сидел там один и выводил твое имя на полях своего драгоценного научного блокнота, так увлеченно, что даже не заметил, как вошел посторонний.

— Уверена, Алексу просто показалось, — фыркаю, пытаюсь придать голосу как можно больше безразличия. — И вообще, Алекс и сплетни? Как-то не вяжется.

— О-о-о, Ник, ты даже представить себе не можешь, какими парни бывают сплетниками. Хуже девчонок.

Улыбаясь, откидываюсь на спинку стула, и вот уже открываю рот возразить, как именно в этот момент к нашему столу подходят они. Рик и Алекс.

Рик — мой парень и капитан футбольной команды, и мечта почти всех девчонок школы. Красная футболка, как всегда, плотно обтягивает его мышцы, которыми он поигрывает по пути к нам. Он всегда выглядит так, будто только что сошел с обложки журнала «Идеальный парень года».

Алекс — его лучший друг и, по сути, его тень. Такой же спортивный, но менее дерзкий. В любых вопросах он прислушивается к Рикку и вечно ему поддакивает. А еще он встречается с Лизой.

Собственно, именно так она и появилась в моей жизни. Когда Рик взял меня «под крыло» своей популярности, нам с ней просто пришлось подружиться, ведь мы оказались в одной компании. Забавно: то, что начиналось как вынужденное общение с девушкой лучшего друга моего парня, в итоге переросло в единственную дружбу, которой я сейчас дорожу.

— Что насчет пятницы, дамы? — оживился Рик, подбрасывая бутылку воды и ловко ловя ее.

— Никки, ты вроде говорила, что твоя мама снова уезжа-

ет, — Алекс оторвался от телефона. — Знаешь, что это значит?

— Опять у меня? Может, придумаем что-то другое? — скептически вскидываю бровь.

— А что тебе не нравится, детка? — Рик приобнял меня за плечи и попытался поцеловать в щеку, но я ловко увернулась.

— В прошлый раз вы все свалили, а я почти до утра оттирала полы от рвоты. Сама!

— В этом и есть суть тусовок! — издевательски усмехается Алекс.

— Ну, может, в таком случае эстафету по уборке возьмешь ты?!

— Не кипятись, детка, — снисходительно бросил Рик. — Просто не мужское это дело.

Вот это его «детка» иногда звучит мило, но чаще — как напоминание, что я просто часть его коллекции. До меня у него уже были отношения с *пятью* девушками. И вспоминать, что я шестая в списке, не очень-то приятно.

— Я помогу тебе, — мягко сказала Лиза, накрыв своей теплой ладонью мою руку.

— Ладно. Но это последний раз, — сдаюсь под общим напором.

— Конечно, последний, — ехидно поддакнул Алекс, подмигнув Рику.

— Да чтоб тебя!

— Привет, Рик, — протянула Тереза своим тонким, почти писклявым голоском, подходя к нашему столику. — Можно тебя на минутку?

Я чуть не зажмуриваюсь от такого писклявого приветствия — как же я ее терпеть не могу. Терри выглядит так, будто только что вышла со страниц мужского журнала. Смуглая азиатка, с длинными каштановыми волосами. Всегда идеальный макияж, пышная грудь и декольте, которое было на грани школьного дресс-кода, не могли не привлекать внимание парней. Уверена, о ней мечтает буквально каждый.

— Да, конечно, — Рик сразу подскочил. — Девчата, скоро вернусь.

Пожимаю плечами, делая вид, что мне все равно.

— Боже, эта девка слишком часто вокруг него крутится, — прищурилась Лиза.

— Да ладно тебе, — отмахиваюсь несчастным сэндвичем, который никак не могу доесть.

— Тернер, почему я слежу за твоим парнем больше, чем ты?

Снова пожимаю плечами. Где-то глубоко внутри неприятно кольнуло, напоминая о знакомом чувстве пустоты. Точно так же у меня перехватывает дыхание, когда мама случайно роняет фразу об отце, а потом резко замолкает, делая вид, что ничего не произошло. В такие моменты мне становится настолько некомфортно, что хочется поскорее сбежать на очередную вечеринку, раствориться в толпе и вообще ни о

чем не думать.

Черт, и почему я просто не повернусь к нему и не скажу: «Пошел ты, Рикки»?

С другой стороны, часть меня упрямо тянется к его уверенности. К тому, что он — настоящий герой всех школьных тусовок и к тем редким моментам, когда кажется, что он может быть милым.

Или это только кажется?

Закрываю глаза и глубоко вздыхаю, пытаюсь сбросить эти мысли.

.....

ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ: ЛИСТОРЕЗЫ

Запись #2

В колонии отсутствует эгоизм. Если какому-то элементу плохо или он не справляется, система мгновенно перестраивается, чтобы помочь.

Шестой урок закончился, и школа опустела за считанные минуты.

— Здравствуй, мой худший вечер... — бормочу, выжимая тряпку в ведре.

Крис молча поливает растения.

— Нет, ну правда! За что?! Я опоздала случайно! Будильник сломался! И вот тебе справедливость! — злюсь уже не столько на мистера Питта, сколько на саму себя.

Напряжение доходит до предела, и я с грохотом откиды-

ваю швабру. Не собираюсь заниматься этим рабством, я не уборщица в конце концов и не специально прогуливаю его уроки. Я этого не заслужила.

Крис вздрагивает. Грохот в пустом классе раздается слишком громко.

Он медленно оборачивается, смотрит на упавшую швабру, а затем — на меня. Не говоря ни слова, откладывает свои дела, подходит, поднимает инвентарь и начинает мыть пол.

Ну и ладно, не так уж я и против. Лучше предоставить дело тому, кто лучше с этим справляется. Запрыгнув на парту, я поудобнее устраиваюсь на деревянной поверхности и демонстративно утыкаюсь в телефон, всем видом показывая, что моя часть отработки на этом закончена.

Через десять минут полы уже блестят, а Крис перемещается к дальним стеллажам. Он возится там с такой поразительной бережностью, что мне становится жутко интересно. Не выдержав, сползаю с парты и подхожу ближе.

— Эй, а что это?

— Формикарий, — отвечает Крис, аккуратно снимая стекло.

— Фор... ми... что?

— Муравьиная ферма. Здесь живет колония муравьев.

— Иу, — морщусь, но все равно наклонилась ближе.

Маленькие муравьи тащат крошки, строят ходы, копошатся с личинками. Они кажутся такими спокойными и дисциплинированными — то, чего так не хватает мне.

— У них четкая иерархия, — тихо продолжает Крис. — Королева, рабочие, няньки...

Он говорит это так увлеченно, что я на мгновение забываю о том, что он замкнутый ботаник.

— Смотри, вот эти мелкие — это рабочие-няньки. Они никогда не выходят наружу. Видишь, как один из них аккуратно чистит усики другому? Это их способ общения и ухода. Они буквально заботятся о каждом члене колонии, проверяют, все ли в порядке, передают капли сиропа из уст в уста. У них нет эгоизма и, если кому-то плохо, система перестраивается, чтобы помочь.

Его голос оказывается такой... успокаивающий. Поймав себя на этой мысли, я замираю. И почему я не замечала этого раньше? Столько лет учиться в одном классе, слушать, как он отвечает у доски, и ни разу не расслышать, какой у него на самом деле теплый голос.

Ловлю его улыбку боковым зрением, и, черт, она заставляет меня задержать взгляд. Сердце почему-то ускоряет ритм, и мне это совсем не нравится.

— Интересно... Даже у муравьев есть порядок. А у нас сплошной хаос.

Он застенчиво улыбается, опустив взгляд. В этот момент между нами повисает неловкая тишина. Ненавижу такие моменты. Именно в них в голову начинают лезть различные паршивые мысли и старые ситуации. Мне вдруг становится так стыдно за тот день и за то, что я столько лет делала вид,

будто Эванса не существует. А сейчас мы вдвоем, здесь, и он общается как ни в чем не бывало. Думаю, нужно как-то все исправить. Прямо сейчас.

— Кстати! — спохватываюсь я. — У меня завтра вечеринка. Приходи.

Он замирает, а мое тело обдаёт кипятком от того, что я выпалила не подумав. С чего вообще Кристоферу Эвансу идти на вечеринку? С чего вообще мне его звать?!

Черт, это выглядит нелепо.

— Звучит... классно. Но завтра у меня встреча в научном клубе.

Конечно. Я совсем не удивлена. Ходячая мировая энциклопедия имеет дела поважнее, чем тусить и отрываться в единственные школьные годы. Как я могла забыть.

— Ты же не всю ночь там будешь, — решаю настоять.

Это уже азарт под названием «уломай ботаника».

— Ну... мы один глобальный проект дорабатываем. Он важный...

— Так ты не придешь?

— Я постараюсь. Не обещаю. Но... если получится.

— Ладно. Как хочешь, — пожимаю плечами и, взяв рюкзак, направляюсь к выходу, даже не попрощавшись. Мне почему-то стало неприятно, будто меня обманули в глупом фокусе. Смесь неловкости, стыда и злости на себя.

Когда я подхожу к выходу из школы, мое настроение становится еще хуже.

— Да вы издеваетесь! — вскрикиваю, взмахнув руками.
На улице льет дождь.

Останавливаюсь в конце пустого коридора, достаю телефон и начинаю судорожно набирать текст.

За шумом капель я даже не слышу глухих шагов за спиной.

— Эй, Никки...

— И снова привет... — бурчу, не отрываясь от экрана.

— Все в порядке?

— Да. Просто мой парень — идиот! — резко выдыхаю, закатив глаза. — Он сказал, что уже выпил и не сможет приехать за мной.

Кристофер молча достает из рюкзака зонт и протягивает мне.

— Не уверена, что твой зонт исправит ситуацию... — выдавливаю, потирая лоб.

— Могу подвезти тебя домой... — вызывается Эванс, нервно сжимая лямку рюкзака.

— Подвезти?

— Да. Я езжу в школу на велосипеде... — выдыхает он.

Я не в силах удержаться, и из меня вырвался нервный смешок.

— О, да! Конечно! Всю жизнь мечтала прокатиться на велосипеде под дождем!

Крис пожимает плечами, совершенно не настаивая и, возможно, понимая всю нелепость ситуации.

— Ладно, тогда хорошей прогулки.

— Стой! Ладно-ладно! Я поеду, — останавливаю его, почти не веря, что сказала это вслух.

Он закусывает губу, стараясь не выдать улыбку, которую я все равно замечаю.

Он что, считает, что это весело? Я — нет.

Выйдя, Крис раскрывает зонт и протягивает мне.

Когда мы доходим до велосипеда, я снова выдаю нервный смешок:

— Это все похоже на какой-то огромный розыгрыш!

Крис молча наклоняется, чтобы отстегнуть замок. Уже через минуту он промокает насквозь, будто его накрыло цунами. Наконец оседлав свой Trek FX 3, он вешает рюкзак спереди, чтобы мне было удобно, и кивает, призывая сесть сзади.

— Корзинки на руле не хватает! — язвлю, усаживаясь на узкую железку багажника.

Чуть согнув колени, одной рукой держу зонт, а другой крепко обхватываю его талию. Вдруг становится необъяснимо спокойно, и я закрываю глаза.

Кажется, что я впервые испытываю что-то подобное. Не знаю, что в этот момент происходит в голове у Эванса, но он почему-то тоже застыл. Его тело слегка напряглось под моими руками, и эта пауза растянулась до неловкой вечности.

— Чего ждешь?! — подталкиваю его чуть громче, чем следовало.

— Думал, как лучше поехать! — выкрикивает он сквозь шум дождя, и мы трогаемся.

М-да, велосипед. Бойся своих желаний, Тернер.

Глава 2. Четвертый час

ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ: ЛИСТОРЕЗЫ

Запись #3

На ранних этапах формирования тропы феромонный след настолько слаб, что его почти невозможно зафиксировать.

Но даже слабого сигнала оказывается достаточно.

Иногда колония начинает двигаться в новом направлении задолго до того, как это становится заметно наблюдателю.

Новый день начинается как обычно: будильник снова звонит позже выставленного часа, из кухни доносится аромат свежей маминой выпечки, поиск подходящих вещей по всей комнате и утренняя пробежка до школы.

Гребаный день сурка!

Пока чищу зубы, перед глазами почему-то всплывает вчерашняя дорога домой. Дождь, его отзывчивость, моя рука на его талии. Резко сплевываю пасту в раковину и нервно кидаю щетку в стакан. Черт, это просто велосипед, просто дождь, просто поездка с ботаником. Ничего более. Почему это крутится в моей голове все утро!?

Наверное, в выпускном классе у всех едет крыша — вот и все.

Мама, как всегда, уже ушла, но панкейки неизменно ждут меня на столе. Рядом лежит короткая записка: «Не забудь поесть. Люблю тебя».

Иногда мне кажется, что она пытается заполнить своей заботой пространство, которое однажды освободилось и так и не заполнилось обратно. Получается ли у нее? По крайней мере, она делает все, что может.

В школе все идет своим чередом. Миссис Беннет, как всегда, улыбается так, будто лично изобрела счастье.

Мировая литература. На нее всегда можно было без проблем опаздывать, так как преподавательница добрейшей души человек и никогда не ругала учеников, что бы они ни сотворили. У нее трое детей и пятеро внуков, но, видимо, любви у миссис Беннет столько, что хватает еще на всю школу.

Наверное, она воспринимает нас как очередную партию хороших, но слегка потерянных подростков, которых нужно аккуратно довести до взрослой жизни.

Урок тянется медленно и монотонно, кажется, что прошло уже несколько часов, хотя на деле всего двадцать минут. Делаю вид, что конспектирую, но мысли постоянно ускользают. Слишком часто ловлю себя на том, что жду встречи с одним конкретным человеком, и мне это не нравится.

На уроке физкультуры становится чуть интересней: парни играют в баскетбол, а мы с девчонками обсуждаем, что надеть на вечеринку и кто в этот раз сможет раздобыть алкоголь.

Окинув скучающим взглядом площадку, где идет активная борьба за мяч, я цепляюсь взглядом за... Кристофера! Того самого ботаника, которого я никогда ранее не видела играющим.

Точно, я была права, в выпускном классе у всех едет крыша.

Без привычного образа книжного червя он выглядит по-другому, и это... как-то несправедливо. Потому что я не могу оторвать от него взгляд.

Очков нет, растрепанные, влажные от пота волосы падают на лицо, но он их не замечает, так как полностью поглощен игрой.

Крис уверенно двигается, ловко обходя соперников. Мяч будто сам прыгает к нему в руки. В какой-то момент он делает резкий разворот, уклоняется, обходит сразу троих, и когда забрасывает в кольцо, я невольно улыбаюсь.

— Посмотрите-ка... — шепчу, не отрывая от него глаз.

— Ник, ты чего зависла? — толкнула меня Лиза.

— Да просто... задумалась о вечеринке, — вру я на ходу, заставляя себя посмотреть на подругу.

— Сделаю вид, что поверила, — Лиза недовольно нахмурилась и встала так, чтобы загородить мне обзор на площадку. — Только не вздумай залипать на Эванса, если Рик узнает... Оно тебе надо?

Я по-дружески толкнула ее в плечо, но щеки предательски вспыхнули.

В этот момент Крис поднял голову, и наши глаза встретились.

Шум стадиона будто отступил на второй план. Он замер посреди площадки, тяжело дыша, и смотрел на меня так прямо и открыто, что у меня по коже побежали мурашки.

Собрав всю волю в кулак, я заставила себя отвернуться и скрестила руки на груди, будто так могу удержать внутри это странное, не знакомое мне ранее, нарастающее чувство. Оно ворочалось где-то под ребрами тяжелым, теплым комком, мешая сделать нормальный вдох.

.....

К вечеру дом стремительно начал наполняться людьми. Музыка гремит так, что вибрируют стены. Обожаю этот момент, когда громкие басы заполняют все пространство вокруг и внутри, вытесняя из головы лишние мысли. Так я наконец-то могу расслабиться.

Вот уже час я кручусь перед зеркалом, подбирая наряд. Кровать полностью завалена одеждой, как после стихийного бедствия.

Джинсы и рубашка, черное платье по фигуре, черная кожаная юбка и бежевый топ, малиновая пышная юбка и черный топ, даже мамино красное платье с открытыми плечами. Столько классных образов, но я решаю остановиться на чем-то более простом и выбираю голубое платье без рукавов, чуть выше колен, усыпанное бежевыми цветочками.

Волосы собираю в пучок — не нравится, слишком офици-

ально. Распускаю, выпрямляю, подкручиваю — не нравится. Пробую сделать косу.

В итоге просто собираю высокий хвост, выпустив спереди несколько слегка подкрученных прядей. Сегодня я десять из десяти, будто уже собралась на выпускной. Россыпь веснушек делает образ максимально милым, и довольная собой я выхожу в толпу.

Проскальзывает мысль: «Вдруг он все таки придет», и это запускает в теле легкую дрожь волнения.

— Да ладно, Тернер, прекрати, — мягко успокаиваю себя, потирая ладонями плечи. — Какая глупость. С чего бы Кристоферу Эвансу вообще здесь появляться? Он же ясно сказал: у него дела в его драгоценном научном клубе. К тому же, это вечеринка. Шумная, пьяная тусовка с кучей орущих футболистов и Риком в главной роли. Кристофер и этот балаган — вещи абсолютно несовместимые. Он точно не придет.

Пытаюсь переключить внимание на музыку, гостей и мысли о том, как Рик снова будет выпендриваться, как мама по приезде снова сделает вид, что не замечает следов катастрофы на кухне... Как выглядел бы среди всего этого Крис.

— Стоп, — щипаю себя за бедро.

Делаю глубокий вдох, поправляю платье и захожу на кухню раскладывать закуски.

Рик пришел одним из первых и уже успел опрокинуть несколько бутылок пива. Замечаю, как он флиртует с де-

вушкой из группы поддержки, но никак не реагирую. Он оборачивается, видит меня у кухонного стола и, похлопав блондинку по плечу, уверенно направляется в мою сторону. Хладнокровно продолжаю заниматься закусками. Рик подходит со спины, бесцеремонно обнимает меня за талию и прижимает к себе. От него уже веет хмелем, и это заставляет меня поморщиться.

Развернув меня, он до неприятного близко склоняется к лицу.

— Детка, ты сегодня просто огонь.

Я автоматически улыбаюсь в ответ.

Когда он наклоняется еще ближе, запах алкоголя, смешанный с энергетиками, становится почти удушающим.

— Может, пойдем туда, где повеселее?

Мне становится не по себе.

— Рик, притормози, — упираюсь ладонями в его грудь, заставляя сделать шаг назад. — Вечеринка только началась... Я... — пытаюсь что-то придумать на ходу. — Я хозяйка дома, и, если я сейчас исчезну, эти дикари разнесут мамину гостиную в щепки.

Он недовольно хмурится, но мои руки на его теле удерживают дистанцию.

— Да брось, Ник, — бурчит он, перехватывая мою ладонь.

— Алекс присмотрит за порядком.

— Ну ты чего?! Вечеринка только-только набирает обороты. Если капитан команды сбежит в самом начале, парни

решат, что ты сдулся.

Его самолюбие тут же включается, и он довольно ухмыляется, делая шаг назад.

— Я? Сдулся? Ну уж нет, детка.

— Вот именно, иди пока к парням, покажи им, кто тут главный. А я закончу с закусками и сразу приду к тебе. Идет?

— Ладно. Не задерживайся, — он шлепает меня ладонью по бедру и вальяжно выходит из кухни.

С облегчением выдыхаю, чувствуя мелкую дрожь в коленях. Отворачиваюсь к столу и упираясь ладонями в поверхность, чтобы наконец-то перевести дух.

Но не успеваю я сделать даже вдоха, как Рик резким движением разворачивает меня обратно к себе, грубо запускает пальцы мне за голову, фиксируя затылок, и с такой силой прижимает к своим губам, что мы едва не стукаемся зубами. От этого животного, жадного поцелуя, в котором нет ни капли нежности, внутри все неприятно сжимается.

К счастью, этот кошмар прерывается истошным, громким звуком из гостиной. Шона снова стошнило прямо на ковер. Черт, такое происходит почти на каждой вечеринке, где появляется этот парень. Но прямо сейчас я готова рассыпаться перед ним в искренних благодарностях за это спасение.

Его черные пряди падают на глаза, скрывая пустой взгляд. Шон — типичный панк, и все в нем говорит об этом: его внешний вид, поведение, образ жизни. Он не пропускает ни одной вечеринки не потому, что любит тусоваться, а потому,

что никогда не упускает возможность бесплатно выпить.

— Уууу, это по твоей части, — с усмешкой протягивает Рик и уходит к парням из команды.

Чувствую, что воздуха становится катастрофически мало, и я стремительно направляюсь к выходу из дома. Дверная ручка не поддается с первого раза — в панике я глупо дергаю ее не в ту сторону, но исправляюсь и толкаю дверь от себя.

Оказываюсь на улице. Наконец-то. Холодный вечерний воздух резко врзается в лицо, мгновенно рассеивая густой запах алкоголя. Иду в сквер, мимо которого пробегаю каждое утро по пути в школу. Он находится совсем рядом с домом: пара лавочек, небольшое озеро и качели. Один богатый мужчина несколько лет назад выкупил пять участков, которые долго не могли продать из-за завышенной цены, снес пустующие дома и построил это замечательное место для всех жителей района.

Чтобы успокоиться, я пытаюсь сосредоточиться на свежести ночи, на прохладе, на тишине, но мысли снова возвращаются к вечеринке, к шуму, к музыке, к Лизе... А кстати, где Лиза?!

Я замедляю шаг, пытаюсь дозвониться ей — телефон молчит. В этот момент я чувствую себя как никогда одинокой. Обычно Лиза не оставляет меня одну на вечеринках и всегда помогает мне.

Присев на качели и начиная немного раскачиваться, чтобы успокоиться, я пытаюсь выкинуть все мысли и сосредото-

читься теперь уже на ночных звуках и запахах. Когда-то видела подобные техники от тревоги на ютубе, но мысли о произошедшем надоедливо врываются в голову и крутятся одна за другой, заставляя кровь слегка закипать от раздражения.

За эти полгода отношений с Риком я уже начинаю уставать от его унижительных приколов, вечного желания казаться «самым крутым», от грубости и напористости. Ловлю себя на мысли, что, может, стоит просто порвать с ним. Но как? Он стал частью моей повседневности. Тем, кто поддерживает мой привычный ритм: тусовки, общие друзья... безопасность.

До него этого слова для меня просто не существовало.

Закрываю глаза, сильнее сжимая холодные цепи качелей, и против воли проваливаюсь в прошлое.

.....

Конец сентября. Начало нашего выпускного года. Коридор школы так привычно гудит от перешептываний за спиной, а под ногами валяется очередной дурацкий плакат с надписью "брошенка".

Я стою, закрыв глаза, готовая разрыдаться от бессилия. Сдерживаюсь, разворачиваюсь, чтобы сбежать, но Джаред со своей бандой загораживает мне дорогу. Он оценивающе сканирует меня сальным взглядом, лениво облизывает губы и громко, на весь коридор, выдает:

— Тернер, раз твой папаша свалил, и маме ты особо не

нужна, может, переедешь ко мне? С такой фигуркой ты точно умеешь быть полезной.

Его дружки взрываются мерзким, глумливым хохотом, а у меня внутри все леденеет.

Зажмуриваюсь, как вдруг смех резко обрывается. На встречу нам уверенно шагает Рик, окруженный парнями из команды. Он с ходу жестко толкает Джареда в грудь, впечатывая его спиной в шкафчики, и громко заявляет:

— Еще раз ты раскроешь свой рот или кто-то косо посмотрит в ее сторону — я челюсть сломаю. Тернер теперь моя девчонка.

.

Резко открываю глаза и шумно вдыхаю ночной воздух.

В тот день он стал моим живым щитом от косых взглядов и насмешек. Рик буквально вытащил меня из пятилетнего ада. И одна мысль о том, чтобы добровольно лишиться этой брони и снова оказаться той незащищенной девчонкой, заставляет меня паниковать.

Жизнь без него кажется пустым холстом. Возможно, что-то хорошее и можно создать, но хватит ли у меня сил и смелости...?

Остаться или двигаться дальше — вечный вопрос, который не дает мне покоя.

— А я думал, ты на вечеринке, — слышался голос за спиной.

Вскакиваю с качели и резко оборачиваюсь. В темноте вижу только высокий силуэт. Он делает шаг вперед, и мой пульс сразу же подскакивает.

— Крис?! Что ты здесь делаешь?! — выпаливаю, хватаясь за сердце. — Ты до смерти меня напугал!

— Прости, не хотел, — он сверкает легкой улыбкой, и я замечаю ямочки у него на щеках. — Иду домой. Недалеко живу. Вон там, — указывает пальцем на дома за сквером.

— Сколько сейчас времени? — спрашиваю, прищурившись, в попытке посчитать, сколько прошло с тех пор, как я сбежала с тусовки.

— Четвертый час, — отвечает он, устало поглядывая на экран телефона.

— Черт... мне пора домой.

— А, кстати... — Крис начинает рыться в рюкзаке, заставляя меня нахмуриться в ожидании. — Вот, держи.

Он протягивает мне металлический круглый брелок, на котором красуется муравей-листорез.

— Муравей?! — удивленно вскидываю брови, а улыбка сама собой расплывается на моем лице.

— Мне показалось, они тебя заинтересовали тогда в классе.

Тишину ночного сквера бесцеремонно разрезает нарастающий гул голосов. Из темноты доносится громкий, раскатистый смех, который я мгновенно узнаю из тысячи.

Сердце буквально падает вниз. Я резко прячу руку со сжа-

тым в кулаке бреломом за спину, когда в поле зрения появляются Рик, Алекс и пара их друзей.

— Тут что, продолжение вечеринки?! — раздается пьяный, угрожающий голос Рика.

— Посмотрите-ка! Кристофер! С твоей девушкой, ночью, в сквере! — начинает ехидно ржать Алекс.

Внутри меня вспыхивает ужас. Я вижу, как Рик сжимает кулаки, готовый сорваться. Защитные механизмы срабатывают раньше, чем я успеваю подумать. Резко вскидываю голову, смотрю на Криса ледяным взглядом и выпаливаю то, о чем, наверное, буду жалеть всю оставшуюся жизнь:

— Избавь меня от своего занудства, Эванс! Ты все неправильно понял.

Лицо Криса мгновенно каменеет. Он за секунду возвращает свою привычную маску полного безразличия, отгораживаясь от меня глухой стеной.

Он лишь спокойно вскидывает руки ладонями вперед, показывая, что он отступает.

— Пойдем отсюда! — хватаю Рика под локоть и тяну в сторону дома.

— Хах, размечтался, урод! — выкрикивает кто-то из друзей, швыряя пустую банку в сторону Криса, но промахивается.

Ребята громко смеются, и мы медленно удаляемся, а Эванс остается стоять на месте.

То, что начиналось как тихая возможность вернуть за-

рождающуюся дружбу, превращается в грязную, неприятную сцену. Я оборачиваюсь, но в темноте его уже не видно. Внутри адским коктейлем мешаются благодарность за подарок, злость на себя и растерянность. Минуту назад я улыбалась ему, а теперь... поступила как последняя тварь? Глупо было надеяться, что мы можем просто начать общаться.

Иду вперед, стараясь держаться на безопасном расстоянии от парней. Рик, как всегда, пытается быть центром внимания: кричит пошлые шутки и гогочет так, что редкие прохожие испуганно оглядываются.

— Эй, Никки! — он сильно тычет меня локтем в плечо.
— Не хочешь рассказать ребятам, что вы делали в сквере с этим чудаком?

Чувствую, как кровь мгновенно приливает к щекам, но заставляю себя закатить глаза и притворно улыбнуться:

— Мы случайно встретились. Он просто шел мимо.

— И начал подкатывать? Может он сталкер и следил за тобой все это время? — вмешивается Алекс.

— Не выдумывай! Просто с ним поздоровалась, а он, наверное, решил что хочу с ним общаться. И начал что-то про свой клуб задвигать... Ничего особенного...

— Ну смотри, Никки, — побагровел Рик. — Если у него есть какие-то виды на тебя, мне придется размазать его по стенке как жука!

Парни закатились животным смехом, а я еле выдавила из себя кривую улыбку.

В голову упрямо лезут воспоминания о его ямочках на щеках, о том, как он ловко обводил защитников на баскетбольной площадке, как протянул мне зонт в ливень, как подарил этот брелок.

Возможно, это действительно странно выглядит со стороны, но не думаю, что тут есть какой-то подтекст.

Мне невыносимы насмешки над Крисом, которыми ребята сыплют всю дорогу, но сказать об этом вслух я не могу. Все что мне остается это подыграть им.

Кто-то из парней начинает спорить, кто сможет забросить пустую банку в урну с первого раза. Рик соревнуется с Алексом: они орут, матерятся и выкидывают непристойные жесты. Черт, мне хочется просто испариться. Мне совсем не весело с ними. Неужели мы всегда себя так вели? И неужели я так же убого выгляжу со стороны когда выпиваю на равне с ними?!

— Да ну их вместе с Эвансом, — бормочу себе под нос.

Мы идем дальше, и Рик снова поворачивает голову в мою сторону:

— Эй, Ник, а ты чего такая серьезная? Расслабься, детка!
— Он пытается ухватить меня за талию и притянуть к себе, но я ловко уворачиваюсь, делая шаг в сторону.

В этот раз он не настаивает. Наверное, пьяное эго не хочет получать отказы на глазах у своих дружков.

Наконец из-за угла показывается мой дом, и я облегченно выдыхаю.

Этот бесконечный день остается за закрытой дверью.

В моей ладони все еще намертво зажат брелок. С такой силой, что его края уже больно врезаются в кожу.

«Ты мне не интересен».

Сжимаю кулак еще сильнее.

Глупость...

.....

Выходные я провожу за уборкой. Точнее, формально — за уборкой, фактически — за лежанием на диване с головной болью и попытками не вспоминать прошлую ночь.

Утром ко мне на помощь пришла Лиза. Нужно вернуть дом к изначальному состоянию за пять часов, до маминого возвращения. Сразу с порога она извиняется за свое отсутствие на вечеринке, объяснив все тем, что родители наказали ее за плохую оценку по биологии:

— Пока не исправлю — никаких тусовок, свиданий и ютуба.

Меня, если честно, это совершенно не удивляет. У Лизы консервативная семья, строгие правила и старший брат Йозеф, который всегда был «примером ответственного и светлого человека». К чему и стремиться моя подруга. Иногда мне кажется, что ей нравится жить по инструкции.

Пока я валяюсь на диване, стоная от головной боли, Лиз порхает по дому так, будто уборка — ее любимый вид спорта. Мусор исчезает, вещи магическим образом оказываются на своих местах, а воздух становится чище и свежее.

Лиза — перфекционист.

В ее комнате всегда порядок, что бы ни происходило. Она быстро соображает, что куда сложить, как компактнее и как «правильно».

Собирая мусор с журнального столика, она вдруг замирает.

— О! А это что?

Я приподнимаюсь на локтях, чтобы посмотреть, что она имеет в виду. Черт. Это тот самый металлический брелок. Листорез.

— Я раньше у тебя его не видела, — прищуривается подруга. — Но видела такую же эмблему на футболке Криса.

От одного его имени сводит живот. Я сажусь.

— Да это... в общем... он подарил мне его вчера, — начинаю я, уже чувствуя, как запинаюсь. — Мы случайно встретились ночью в сквере. И вот... подарил. — пожимаю плечами так, будто это вообще ничего не значит. Ну, это и правда ведь, в какой-то степени, ничего не значит.

— Та-а-ак, — протягивает Лиза и садится рядом. Она всегда садится так, будто начинается допрос, только без лампы в лицо. — Насколько я помню, дежурство с мистером ботаником было самым ужасным наказанием в твоей жизни, а теперь ты принимаешь от него *подарки*?

Тяжело вздыхаю.

— Я не знаю, что сказать... Когда мы дежурили вместе, он оказался... другим. Более нормальным, чем я думала. Ока-

зывается, он даже умеет разговаривать, — слабо усмехаюсь. — Он подвез меня домой, когда лил дождь. И... мне просто показалось, что он нормальный парень. Не знаю, что он себе напридумывал, но я взяла этот брелок просто в знак вежливости, — закрываю глаза и сжимаю переносицу. — Я просто взяла подарок. Все.

— Значит, нормальный парень? — Лиза хмурится и складывает руки на груди. — Никки, очнись. Если Рик или кто-то из парней увидит у тебя эту вещь, тебе припомнят все старые сплетни.

— Да, у нас и так сейчас все паршиво...

— Паршиво?

— Да это неважно, — отмахиваюсь, жалея о том, что продолжила эту тему. — Я просто, наверное, преувеличиваю, как обычно.

— Вот именно, преувеличиваешь, — качает головой Лиза. — Не знала, что тебя настолько волнует Эванс. У вас ведь с Риком большие планы, разве нет? Рик сильный, популярный, он тебя из такого ада вытащил... Ну да, он не романтик, конечно...

«И близко не такой внимательный как Крис», — проносится в голове, но я успеваю прикусить язык.

— У всех есть недостатки, — Лиза философски кивает, видя мое молчание. — Зато Рик — это твой билет в нормальную жизнь. А Крис что тебе предложит? Подарит целое королевство букашек? Будете вместе сырость в банках раз-

водить?

Не сдержав нервный смешок, я подхватываю ее настроение, и мы обе начинаем дурачиться и изображать насекомых руками, пока у меня снова не заболела голова — уже от смеха.

— Лиз, а как у вас с Алексом? — прищуриваюсь, решив, что пора сменить тему.

— Боже! — она запрокидывает голову. — Он заваливает меня фоторепортажами своей жизни. Сегодня прислал уже пятнадцать фото с тренировки! А вчера скинул видео, как делает «идеальный» капучино.

— Только не говори, что он комментирует это вслух. Типа: «Смотри, какая густая пенка...»

— Конечно комментирует! И постоянно спрашивает: «Как тебе?» Что я должна отвечать на чашку с молоком?!

— Что это произведение искусства, как и он сам, — киваю с наигранной серьезностью.

— Пожалуйста, скажи, что я не одна страдаю, и Рик тоже закидывает тебя фотками и глупыми сообщениями! — она складывает ладони в умоляющем жесте.

— О нет! Я бы точно сошла с ума, — усаживаюсь по-турецки. — Если честно, он мне почти не пишет. Иногда звонит. И... в основном пристает.

— У меня отличная идея! Давай поменяемся парнями! — рассмеялась Лиз. — Я хочу пожить хотя бы неделю без мастер-классов по капучино!

Уборка незаметно сменяется на пищу, колу и приторную комедию. Подруга периодически отвлекается, чтобы скомандовать, где что должно стоять, а я только закатываю глаза в ответ. Но если честно, без нее я бы все бросила через десять минут и снова разочаровала бы маму.

Когда мы уже собираемся расходиться, раздается звонок в дверь. На пороге стоит курьер с огромным букетом тюльпанов. В них записка «моей детке».

— Вы только посмотрите! Какая красота! — восторженно скрещивает руки на груди Лиза.

Я кривлюсь от разочарования.

— Лиз, я не люблю тюльпаны.

— Да ладно тебе! Цветы же!

— Нет, правда. Это мои самые нелюбимые цветы. И я говорила ему об этом. И не один раз.

— Похоже, он забыл, — нахмурившись, бормочет подруга, разглядывая букет. — Или не расслышал в твоём предложении «не».

Кажется, она влюблена в эти цветы гораздо сильнее меня, так что мне хотя бы не придется думать, куда деть эту охапку.

— Похоже, он просто взял первые попавшиеся, — недовольно выдавливаю я, снова закатывая глаза. — М-м-м... какая романтика.

— Может, это был последний букет в магазине, и ему пришлось подраться за него с какой-нибудь бабушкой? — смеется Лиз.

— Тогда лучше бы бабушка выиграла.

И мы снова разливаемся в хохоте.

Подхватываю охапку цветов и без тени сожаления всучиваю ее прямо в руки подруге:

— Забирай. Спаси меня от этого кошмара.

— Ты серьезно? — ее глаза округляются от восторга.

— Абсолютно. Радуйся.

Лиз расплывается в улыбке, крепко прижимая букет к груди, а наконец попрощавшись закрываю за ней дверь.

Где-то внутри тихо нарастает чувство тревоги. И сколько бы я ни пыталась его игнорировать, она никуда не исчезает.

Глава 3. Прогуляем?

ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ: ЛИСТОРЕЗЫ

Запись #4

Если на пути колонии возникает непреодолимый барьер, рабочие особи пытаются проложить новый, альтернативный маршрут. Эта тропа изначально очень хрупкая и нестабильная. Достаточно одного резкого внешнего фактора или старого химического сигнала, чтобы муравьи в панике бросили новые поиски и массово вернулись на прежний, привычный путь.

Здравствуй понедельник!

Я не спала почти всю ночь и, уставившись в потолок, раз за разом прокручивала сцену в сквере: его лицо, мое «Ты мне не интересен», смех Рика и банку, летящую мимо. И самое ужасное — то, как Крис остался стоять один.

Наверное, нужно извиниться перед ним...

Прокручиваю в голове десятки сценариев как это пройдет.

В одном он молча смотрит на меня и драматично говорит: «Поздно».

В другом — холодно кивает и закрывает дверь прямо перед носом.

В третьем — улыбается и говорит, что ему все равно.

Почему-то этот вариант пугает больше всего.

В каждом случае что-то идет не так.

Какую бы фразу я ни начинала — она звучит глупо.

Какое бы оправдание ни придумывала — оно кажется еще глупее.

К черту это все. Подумаешь, выставила его дураком. С кем не бывает. Мы друг другу никто и лучше таковыми оставаться. Теперь то он точно не будет думать, что мы можем общаться или что еще хуже, можем стать друзьями после того, как он меня подвез домой.

Поворачиваюсь на бок и взгляд цепляется за брелок с листорезом, который лежит возле будильника. Я собиралась спрятать его на самую дальнюю полку шкафа, чтобы просто забыть, но вместо этого полночи зачем-то крутила в руках.

Вспоминаю как искренне и открыто он общался со мной, а я прилюдно выставила его идиотом... В его глазах отразилась такая растерянность, как тогда, в двенадцать лет.

Нет, я точно должна извиниться. Без вариантов.

Лучше поговорить до уроков. Без лишних глаз. Не хватало еще новых проблем нажить себе и Крису.

Голова гудит, глаза щиплет, но адреналин уже разгоняет кровь, и я быстро собираюсь. Перед уходом оставляю маме записку: «Со мной все хорошо. Просто нужно раньше в школу», и бесшумно прокрадываюсь к выходу.

Вычислить, где он живет, оказывается проще, чем я думала. В той стороне, куда он показывал в сквере, стоит несколь-

ко похожих коттеджей. Но только у крыльца одного из них я сразу замечаю прислоненный к стене тот самый велосипед.

Когда я подхожу к заветной двери, сердце ускоряет ритм и начинает колотиться так, будто я собираюсь совершить преступление века.

Может, в какой-то степени так и есть. Преступление против здравого смысла.

Поднимаю руку, чтобы постучать... но замираю. Не могу. Прячу ладони в карманы джинсов.

А если разбужу родителей?

А если они спросят, кто я?

А если...

Нет. Решаю, что лучше подождать, пока он выйдет сам.

Отхожу к дереву напротив и, облокотившись, перевожу взгляд на медленно плывущие облака, снова прокручивая унижительные сценарии.

Раньше мне никогда не приходилось ни перед кем извиняться, и оттого сейчас вдвойне сложнее.

Время идет, и я уже начинаю сомневаться, выйдет ли он вообще... когда дверь наконец открывается и на пороге показывается Крис, и я подбегаю к нему.

Он замирает, будто перед ним стоит призрак.

— Никки? Что ты здесь делаешь?

Глубоко вдыхаю и запинаясь начинаю оправдываться:

— Я... я хотела поговорить... Ну, насчет того, что случилось. Тогда... При парнях. То, что я сказала.

— Так, — Крис скрещивает руки на груди.

Пока я собираюсь с мыслями, он оборачивается, аккуратно прикрывает за собой входную дверь, щелкая замком, и делает несколько шагов вперед, увлекая меня за собой, обратно к дереву.

Он выглядит очень спокойным. Как в самом страшном сценарии. Напряженно сглатываю и продолжаю оправдываться:

— Я сказала это, потому что... так было нужно. Не потому, что ты мне неприятен. И не потому, что я хотела посмеяться, — неловко переминаюсь с ноги на ногу. — Если бы я ответила иначе, все могло бы закончиться намного хуже. Я правда не представляю, чем это обернулось бы.

Крис молчит, задумчиво поджав губы, и слегка прищурился. Его взгляд в этот момент становится таким пронизывающим, будто он пытается прочесть мои мысли.

— То есть ты решила, что мне можно сказать что угодно, лишь бы избежать проблем?

— Нет! — резко встречаюсь с ним глазами и вскидываю руки в защитном жесте. — Вовсе нет! Просто... это был единственный вариант. На тот момент. Я растерялась. Все произошло слишком быстро.

Повисает мучительная тишина. Он смотрит на меня так, будто взвешивает каждое слово.

— Ну, допустим.

Закрываю глаза, шумно выдыхаю и делаю шаг ближе.

— Крис, прости. Это было подло. И глупо. И... я не должна была так делать.

— Ладно. Проехали. Будем считать, что этого не было.

Я удивленно вглядываюсь в его лицо, пытаюсь понять, шутка это или нет. Серьезно? Он просто... прощает? Так легко?

Волна облегчения сбивает меня с ног, и мое тело медленно опускается на газон. Крис секунду колеблется, а потом садится рядом.

Не зная, что еще сказать, я достаю телефон и утыкаюсь в экран, делая вид, что безумно чем-то увлечена, хотя на самом деле просто боюсь встретиться с ним глазами. От его взгляда, который я почти физически ощущаю на себе по телу пробегают мурашки.

Продолжаю гипнотизировать экран телефона.

Неловкость между нами нарастает с каждой секундой, сжимая пространство вокруг, как тиски, мешая сделать полноценный вдох. Ну почему он не уходит!? В школу же пора.

Пальцы намертво впиваются в корпус гаджета.

— Ну что ж... — решаю нарушить тишину, чтобы сказать какую-нибудь банальную глупость вроде «мне пора» и прекратить наконец эту пытку молчанием, как вдруг он выпаливает:

— А давай прогуляем?

— Прости, что?!

— Ну... — он слегка смущенно поправляет очки на пере-

носице. — Пропустим уроки сегодня. В знак примирения.

— Это шутка? Ты? Кристофер? Мистер «я не пропустил ни одного урока за всю жизнь»? Любимчик всех учителей. Предлагаешь прогулять?

— Да.

Его слова мощной волной отбрасывают меня на пять лет назад, в тот самый злополучный день на школьном дворе. Прямо сейчас судьба словно дает мне второй шанс. Возможность переписать прошлое, исправить ту глупую детскую ошибку и наконец ответить ему согласием.

Прищуриваюсь и прикладываю ладонь к его лбу.

— Может, ты заболел?

— Я серьезно.

Он и правда выглядит максимально серьезным.

— Думаю, ты сошел с ума... Но я согласна.

— Правда? — на лице Криса появляется немного растерянная улыбка.

— Правда. Но мы идем в парк! — радостно объявляю я и вскидываю руки.

Он лишь тихо смеется и качает головой, соглашаясь.

Я недоверчиво прищуриваюсь, придвигаюсь ближе и, заглядывая ему прямо в глаза, строго спрашиваю:

— Ты серьезно? Или шутишь?

— Пошли уже, — отвечает Крис, поднимаясь с травы и протягивая мне руку.

— Ладно, мистер умник, — бормочу, хватаюсь за его ла-

донь и резво подскакиваю на ноги.

— До сих пор не могу поверить, что ты реально прогуливаешь школу! — не унимаюсь, пока мы идем. — Наверное, твой внутренний ботаник сейчас корчится в огненной геене не совести.

В ответ он лишь опускает глаза и усмехается.

— Нет, правда. Я серьезно. Кто ты и что ты сделал с Эвансом?! — прищуриваюсь и упираю руки в бока. — А как же твой график успеваемости?

— Превратился в график деградации, — невозмутимо отшучивается Крис, пожимая плечами.

— Классика жанра. Из ботана в бунтаря. Такими темпами через пару месяцев начнешь записывать подкасты про свободу и то, как ты поборол систему.

— Обязательно заведу для этого ТикТок.

Смеюсь и толкаю его в плечо, а он театрально раскидывает руки и делает вид, что падает, произнося:

— О нет, меня сбила плохая компания!

— Какая жалость, — закатываю глаза, но улыбка не сходит с моего лица.

Ветер лениво играет с запахами цветов, травы и где-то совсем рядом — свежей выпечки. Он то и дело подхватывает мои волосы, но я даже не пытаюсь их поправлять.

Солнце уже ощутимо греет. Когда мы доходим до парка, я снимаю рубашку, оставаясь в майке, и повязываю ее на поясе.

Замечаю, как Крис в этот момент замирает, его взгляд скользит по моим открытым плечам, а затем он поспешно отворачивается, делая вид, что страшно заинтересован кустами роз.

— Эй, Эванс, осторожнее! Если продолжишь так смотреть, то ослепнешь от белизны моей кожи. Seriously, я отражаю солнце как зеркало.

— Я... я просто... тебе идет эта майка... — он запинается, теряя всю свою привычную невозмутимость, а затем трет переносицу и смущенно смеется.

Я тоже не выдерживаю и вся утренняя неловкость между нами окончательно растворяется в наших улыбках.

Проходим чуть дальше и перед нами открывается вид на пестрые, разноцветные кусты. Тропинка за ними ведет напрямиком к аттракционам, воздух наполняется запахом сахарной ваты, попкорна и ванили.

— Мы пришли! — скидываю руки и глубоко вдыхаю ароматы. — Обожаю это место!

В парке сейчас почти пусто. Несколько парочек разбились по лавочкам, а старики гуляют по аллеям, наслаждаясь ненавязчивым пением птиц. Это тихая, уединенная зона. Я обычно называю ее романтической.

— Здесь здорово, не правда ли?!

— Неплохо, — Крис пожимает плечами. — Давно здесь не был, лет десять, наверное.

— А я часто сюда прихожу. Когда хочется сбежать от все-

го. А ты почему не бываешь тут?

— Обычно я в научном клубе или за проектами...

— Да-да, — нагло перебиваю его, — книжки, учеба, наука. Поняла. Скучно ты живешь, мистер умник. Сегодня без этого. Мы официально прогуливаем.

Он смеется.

— Хорошо. Тогда что для тебя не скучно?

Я останавливаюсь посреди аллеи и оглядываюсь.

— Давай представим, что это не парк, а таинственный лес. И мы заблудились. Что бы ты делал?

— Я... не знаю.

Цокнув, театрально закатываю глаза.

— Ну как так? Вот, например... — указываю на огромный дуб. — Под тем деревом спуск в подземелье. Кто пойдет первым?

— Думаю, я.

— Конечно! Герой! А если там чудовище?

— Мне придется с ним сражаться.

— Ты его скорее усыпишь рассказами про физику.

— Считаешь это плохим вариантом?

— Да нет. В самый раз.

Мы гуляем, болтаем, спорим, выдумываем нелепые сценарии, и я даже не замечаю, как доходим до тира.

— О! Давай постреляем! Тебе понравится! — радостно подпрыгиваю.

— Я не умею, — полушепотом признается Крис.

— Да ладно. Все парни умеют стрелять.

— Я серьезно.

Впившись в него самым жалобным взглядом, на который была способна, я умоляю:

— Пожа-а-а-а-алуйста.

— Ладно.

Эванс тяжело вздыхает, а я ликую.

Он берет пистолет. Я облакачиваюсь на барьер, чтобы наблюдать.

Крис нервно сжимает рукоять, пытаясь прицелиться. Его взгляд мечется от оружия к мишени и обратно в попытках найти правильный угол, чтобы выстрелить и не промазать.

— Давай! Просто стреляй! — подбадриваю я.

Пытаясь сосредоточиться, он старается ровно дышать, снова прицеливается, закусывает губу и нажимает на спуск. Промах! Пуля улетает куда-то в сторону, вообще не зацепив мишень.

Второй выстрел — снова мимо.

— Расслабься, Крис!

Но кажется, от этого он напрягается еще сильнее.

Третий выстрел — край мишени.

— Ну хотя бы не в пустоту! — смеюсь я. — Теперь моя очередь.

Подхожу к стойке. Пистолет ложится в ладонь непривычно тяжело, но знакомо. Спасибо отцу, который до двенадцати лет каждые выходные таскал меня с собой на стрельбище.

Делаю вдох, задерживаю дыхание, фокусируюсь.

Выстрел прямо в мишень. Еще один. И еще. Точные, уверенные попадания.

Я опускаю пистолет и поворачиваюсь к Крису.

— Видишь? Нужно просто расслабиться.

В качестве приза выбираю зеленого пушистого чудика — максимально нелепого.

— Он будет жить у меня на полке и напоминать, что ты проиграл!

— Это так жестоко, — усмехается Крис.

— Заслуженно, — толкаю его в плечо.

Затем хватаю за рукав и тащу к киоску с мороженым:

— Обожаю мороженое! Просто жить без него не могу!

Как настоящая авантюристка, я решаю не мелочиться. Один шарик — апельсин, второй — авокадо с лаймом, посыпаю все кокосовой стружкой и сверху заливаю клубничным сиропом.

Считаю, что это отличное сочетание!

Крис, конечно же, берет просто ваниль. Скука в стаканчике.

Мы садимся на лавочку. Только я готовлюсь поддаться волне наслаждения от взрыва разных вкусов, как на горизонте появляется знакомый силуэт.

— Черт! Моя мама! — я чуть не роняю мороженое, автоматически хватаю Криса за руку и не думая, резко затаскиваю прямо в раскидистые кусты.

Что она вообще здесь делает?! Мама должна быть на работе, на другом конце города, а не разгуливать по аллеям парка. Паника накрывает с головой.

Мы прижимаемся друг к другу, стараясь даже не дышать. Через узкий зазор между листьями я вижу, как она спокойно проходит мимо, так ничего и не заметив. Ее шаги удаляются, а вот дикое напряжение никуда не исчезает. Мороженное нещадно тает, один шарик все-таки выпал на траву и, кажется, придется покупать новое.

Несмотря на это мы, беззвучно смеясь, ловим ртом воздух, и только спустя несколько секунд замечаем, что я все еще крепко держу Криса за руку. Наши взгляды пересекаются, и мир вокруг куда-то исчезает.

Чувствую приятное тепло, исходящее от его тела, и никак не могу оторваться от зеленых глаз, которые смотрят на меня с такой нежностью, что, кажется, я в них тону. Безвозвратно.

Понятия не имею, почему я вдруг чуть подаюсь вперед, но Крис делает то же самое.

И в этот самый момент в кармане моих джинсов резко и настойчиво начинает вибрировать телефон.

Я вздрагиваю так, будто нас поймали на месте преступления. Отскочив в сторону, заливаюсь густой краской и едва попадаю пальцем по экрану, принимая вызов.

— А-алло... привет, Рик...

— Ты где? Я пишу тебе все утро. Почему не отвечаешь?

— раздраженно начинает он.

— Я... спала. Плохо себя чувствую.

Крис пристально смотрит на меня, и от этого на ходу врать становится только сложнее.

— Ник, ты что-то недоговариваешь?

— Нет. С чего бы? Я просто... приболела.

— Что с тобой?

— Легкое недомогание.

Ненавижу такие ситуации!

— Почему не сказала?

— Не хотела тебя отвлекать от тренировок. Все нормально. Правда.

— Ладно. Отдыхай. Позже разберемся.

Ничего не ответив, я сбрасываю вызов и выдыхаю так, будто только что пробежала марафон. Проводя ладонью по лицу, чувствую, как до сих пор мелко дрожат пальцы.

— Наверное, часто приходится врать, — спокойно произносит Крис. В его голосе нет осуждения, только сухая констатация факта.

Раздраженно фыркаю, пряча телефон обратно в карман:

— Конечно. Скажи я ему правду — представляешь, что было бы?

— Ты могла просто сказать, что хочешь побыть одна.

— Ему бы это не понравилось. Он точно что-нибудь начал бы подозревать.

— Ты все время пытаешься ему угодить? — его пронзительный взгляд заставляет меня внутренне сжаться. — По-

чему ты так боишься его разочаровать?

— Это не твое дело.

— Просто это странно.

— Да тебе-то какая разница? — зло выпаливаю, делая шаг назад. — Ты вообще ничего не знаешь о моих отношениях!

— Я просто подумал... — Крис делает тяжелую паузу, и его плечи бессильно опускаются. — Что со мной ты можешь быть откровенной... Без этих вечных масок.

Черт.

Закрываю глаза сдавливая переносицу, чтобы сдержать подступающие слезы. Мне невыносимо стыдно. За свою ложь, за эту вспышку злости, за то, что я снова, кажется, все порчу.

— Прости, — шепчу я, не открывая глаз. — Просто... давай сменим тему. И вообще, мне уже пора домой. Атракционы отменяются.

Он молча разводит руками, и мы идем к выходу из парка.

Всю дорогу нашим единственным спутником становится удушающее молчание. Я упрямо злюсь. Больше на себя, конечно. Но и то, что он пытается меня учить как общаться со своим же парнем, тоже возмущает.

— Ты как? — тихо спрашивает Крис спустя вечность, когда мы сворачиваем на мою улицу.

— Норм, — фыркаю, не поднимая глаз.

Когда впереди показывается мой дом, меня накрывает ледяной волной необъяснимой паники. Понимаю, что завтра в

школе все вернется на свои места и мы снова будем чужими.

— Ну вот, — беспомощно развожу руками, останавливаясь у края лужайки. — Пришли.

— Если захочешь поговорить... ты знаешь, где меня найти, — произносит напоследок Эванс и смотрит на меня еще секунду, словно надеясь на что-то, а затем все же разворачивается и уходит.

— Пока... — едва слышно шепчу ему в след.

Захожу в пустой дом, закрываю дверь и прислоняюсь к ней спиной. В груди почему-то становится так пусто, что пробегает дрожь.

«Позже разберемся», — эхом раздается в голове и грусть тут же сменяется тревогой. Мне срочно нужно убедиться, что все в порядке.

Резко достаю телефон, открываю чат и лихорадочно вбиваю сообщение.

Никки, [16:00]:

Привет. Мне уже лучше. Хочу увидаться.

Сегодня.

Рик, [16:10]:

Детка! Конечно. У меня тренировка.

Приходи на поле.

Никки, [16:14]:

Скоро буду.

Глава 4. Трибуны

ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ: ЛИСТОРЕЗЫ

Запись #5

Кастовая структура колонии исключает смешивание разных групп на одном участке. Особи разных каст четко разграничивают свои зоны присутствия. Нарушение этих невидимых границ и случайный контакт полярных групп неизбежно вызывают хаос, заминки в передаче сигналов и вспышки внутренней агрессии.

На поле я оказываюсь не единственным зрителем, и почему-то совсем этому не удивляюсь.

На первом ряду, заняв лучшее место, устроилась Тереза. Конечно, куда же без самопровозглашенной мисс мира?!

Перед ней стоит телефон на штативе, и выглядит Терри так, будто снимает финал международных соревнований, а не обычную школьную тренировку.

Черная футболка с логотипом «Торнадо», расстегнутая розовая зипка и идеально сидящие спортивные штаны делают ее красоткой номер один даже тут.

— Супер! Вот это кадр! Ребята, вы просто голливудские звезды! — громко выкрикивает она, не отрываясь от съемки.

Рядом развалились чирлидерши, отдыхающие после своей репетиции. Они смеются, листают школьные новости в те-

лефонах и кокетливо оживают каждый раз, когда камера Терезы поворачивается в их сторону. Все выглядит слишком... идеально.

Я прячу руки в карманы выцветшего, когда-то черного худи и быстро поднимаюсь выше по трибунам, подальше от этой глянцевой тусовки.

На пятом ряду царит совершенно другая атмосфера.

Шон со своей группой занимают половину сектора, будто это их личная территория. Рюкзаки валяются под ногами, а ребята смеясь распивают из крафтовых пакетов явно алкогольные напитки.

Некоторые так громко спорят о репетиции, что парни из футбольной команды пару раз раздраженно оборачиваются. В ответ Шон, дождавшись, пока тренер отвернется, лениво кидает им средний палец.

Он сидит развалившись, вытянув ноги на соседнее сиденье, и почти не смотрит на поле — скорее наблюдает за всем стадионом сразу, медленно прокручивая бутылку в руках.

Уверена, этот ходячий бунт прямо сейчас выбирает, какая из девчонок группы поддержки сегодня останется у него. В школе и при Терри девочки демонстративно игнорируют Шона, но ходят слухи, что это только в стенах здания. После уроков многие рады с ним зависнуть, потому что он угощает разной нелегальщиной, а еще им нравится, как он играет на гитаре и катает на мотоцикле. Да уж, тяжелая жизнь рок-музыканта.

Его взгляд скользит вниз, прямо на меня. Заметив это, я сразу отворачиваюсь, делая вид, что полностью сосредоточена на игре.

Рик тем временем находится в своей родной стихии. Он ловит мяч на бегу, уворачивается от защитника, резко уходит в сторону и разворачивается так уверенно, будто заранее знает каждое движение соперников. Лучший игрок школы и будущая звезда штата — если верить всем вокруг. Он передает пас, Алекс ловит мяч прямо у линии тачдауна, и вся команда взрывается победным криком.

— Вот это пас! Рик — машина! — восторженно визжит Тереза, практически подпрыгивая ради удачного кадра.

Тот оборачивается и улыбается прямо в камеру. Во все тридцать два зуба, будто он модель для рекламы зубной пасты. Не удивлюсь, если его пригласят и туда.

Я, цокнув языком, закатываю глаза, засовываю руки еще глубже в карманы худи и пересаживаюсь на пару мест дальше по третьему ряду. Отсюда почему-то спокойнее, но чувство того, что я здесь явно лишняя, только усиливается с каждой минутой.

— О, Никки, и ты тут! — Тереза поворачивается ко мне с натянутой улыбкой, быстро хлопая ресницами, будто только что вспомнила о моем существовании.

— И тебе привет, — равнодушно бросаю я.

Терри снова разворачивается к полю, поднимая телефон выше, наклоняя и крутя его в попытках заснять самые дина-

мичные кадры.

— Давай, Рик! Покажи, кто тут король футбола! — кричит она на весь стадион.

Он оборачивается почти мгновенно, словно чувствует направленную камеру кожей. Подмигивает объективу, снова сверкнув своей улыбкой победителя, и, переводя взгляд чуть левее, наконец-то замечает меня.

Короткий кивок. Четыре пальца в воздухе. Четыре минуты до конца. Я машинально киваю в ответ, хотя понятия не имею, зачем он вообще решает меня об этом уведомить. Раньше я ждала гораздо дольше, и это никогда его не волновало.

— Десятый номер, кидаешь как девчонка! — лениво доносится сверху, с дальнего пятого ряда трибун.

Я даже не пытаюсь обернуться, чтобы посмотреть, кто такой смелый — этот наглый голос я узнаю всегда. Шон.

А вот Рик резко оборачивается — да, десятый номер на форме красуется именно у него — и, не раздумывая, вскидывает руку, показывая средний палец. Сверху тут же раздается хохот и издевательские аплодисменты Шона.

Идеальная школьная дипломатия в действии.

— Послушай... — Тереза вдруг откладывает телефон и поднимается ко мне на пару ступеней.

О, это тот самый тон, когда человек собирается сказать что-то якобы важное, но на самом деле просто хочет в очередной раз поставить тебя на место.

Я уже внутренне готовлюсь услышать очередное «как тебе лучше поступить», но...

Удар.

Что-то тяжелое и жесткое врежется в мое плечо так резко, что из легких мгновенно выбивает весь воздух. Скрикоштивший футбольный мяч.

Я сгибаюсь пополам, прошипев сквозь зубы:

— Черт!

Тупая боль разливается горячей волной по всей руке, пальцы мгновенно немеют.

— Боже, Никки, ты в порядке? — спрашивает Тереза, прикрывая рот ладонью. Она явно пытается спрятать злорадную улыбку, но получается у нее паршиво. Очень паршиво.

К трибуне быстро подбегает Рик. Он легко перемахивает через ограждение, первым делом подхватывает с земли отлетевший мяч, крутит его в руках, проверяя шнуровку, и только потом лениво переводит взгляд на меня. Я все еще сжимаю ушибленное плечо.

— Ты как? Порядок?

— Да... вроде...

— Надо быть внимательней, Ник, — бросает он, зажимая мяч под мышкой. — Тут все-таки жесткая игра идет, а ты витаешь где-то в облаках.

Я медленно поднимаю на него глаза. Seriously?

— Seriously?! — мои брови сами взлетают вверх. — Меня никто не предупреждал, что зрители рискуют стать живой

мишенью!

Рик просто пожимает плечами:

— Это же футбольное поле, Ник. Тут всякое бывает.

Он выпрямляется во весь рост и отворачивается, давая понять, что этот разговор полностью закончен.

Сжимаю челюсть так сильно, что начинают болеть зубы. Внутри закипает знакомое, опасное чувство — «еще секунда, и я наговорю лишнего». Зажмурившись, делаю несколько глубоких вдохов, умоляя себя не устраивать здесь сцену. Только не при всех этих людях. Только не на радость Терезе.

— Может, в следующий раз тебе стоит взять с собой шлем и бронежилет? — с наигранным сочувствием протягивает Терри.

— Может, тебе стоит заткнуться? — цежу сквозь зубы.

— Боу! Тернер, остынь, — она вскидывает руки в фальшивом жесте капитуляции. — А то сейчас расплачешься и испортишь свое жалкое худи.

По дружному смеху чирлидерш, сидящих на первом ряду, становится понятно, что ядовитый писк Терезы услышали абсолютно все. Сара, ее лучшая подруга, уже держит телефон поднятым, запуская камеру. Отлично. Они хотят шоу.

Мои пальцы уже сжимаются в кулаки, и, кажется, они это шоу получают, но все внимание перетягивает хриплый голос:

— Эй, давайте сегодня обойдемся без женского реалити-шоу «разборки кошечек», а то я могу случайно возбудиться, — лениво спускается к нам по рядам Шон.

— Боже, что за фрик-пати сегодня, — закатывает глаза Тереза.

Шон даже не смотрит в ее сторону, будто она — просто фоновый шум. Он садится на лавку рядом со мной. Настолько близко, что в нос бьет резкий запах табака, мятной жвачки и чего-то еще... чего-то до неприятного укола памяти знакомого.

— Не обращай внимания, Ник. На нее действует только святая вода, соль и крест.

Он роется в своем рюкзаке и протягивает мне банку ледяной колы.

— Спасибо, — принимаю напиток, только сейчас разжав плечо.

Прикладываю холодный металл к пульсирующей коже, и даже через ткань чувствуя облегчение.

Тереза громко фыркает, демонстративно собирая вещи. Чирлидерши поднимаются следом, переглядываясь и перешептываясь, как стая хищных птиц, потерявших добычу. Через минуту трибуна заметно пустеет.

Рик вместе с командой уходит в раздевалку, даже не обернувшись в мою сторону.

Шон неожиданно кладет мне руку на плечи. Так легко и уверенно, будто мы делали это тысячу раз и это абсолютно само собой разумеющееся. И запрокидывает голову, глядя на небо, окрашенное багровым закатом.

— Красота, — выдыхает Шон, словно действительно при-

шел сюда ради этого вида.

Ошарашенно перевожу взгляд на него.

— Ты серьезно?

— Что? — он лениво поворачивает голову. — Иногда можно просто смотреть на небо, Тернер.

— Эй! Какие-то проблемы? — резко рычит Рик, возвращаясь к нам.

Оказывается, он так и не ушел в раздевалку, а задержался у края поля и теперь быстрыми шагами поднимается по трибуне. Но Шон даже не убирает руку и не смотрит в его сторону, а продолжая любоваться закатом.

— Нет, — спокойно отвечает он, делая глоток из бутылки в пакете. — Все отлично, чувак.

Рик переводит глаза на кисть, мягко прижимающую меня к себе, и его взгляд мгновенно холодеет.

— Убери руки от моей девушки, фрик.

Вздрагиваю.

Шон издевательски улыбается и поднимает ладони вверх.

— Ник, смотри-ка... ревнует, — подмигивает он мне, после чего поднимается и своей привычной ленивой, покачивающейся походкой начинает спускаться вниз по трибунам. — Или это просто желание везде быть первым! — громко добавляет он уже не оборачиваясь.

Рик дергается вперед и его кулаки сжимаются.

— Я его убью!

Я машинально хватаю его за локоть, повисая на руке.

— Подвезешь меня домой? Я замерзла.

Хотя на самом деле мне совсем не холодно. Просто до смерти хочется, чтобы этот сумасшедший день наконец закончился. Лучше бы я вообще осталась дома.

Рик тяжело выдыхает, все еще буравя глазами исчезающий силуэт Шона.

— Ладно... — морщится он. — Пошли.

Мы спускаемся с трибун в полном молчании. Он шагает чуть впереди, сжимая в руке ключи от машины так сильно, что у него белеют пальцы.

Дверца его автомобиля хлопает гораздо громче обычного. Я устраиваюсь на пассажирском сиденье, натягиваю рукава худи почти до самых кончиков пальцев и впиваюсь взглядом в боковое окно.

Двигатель заводится, наполняя салон глухим гулом. Несколько секунд мы просто сидим на месте — без музыки и без единого слова.

Черт, он ведь даже не вспоминает про мое ушибленное плечо.

— Он к тебе лезет, — наконец выдавливают Рик.

Я так и не понимаю, вопрос это или глухое утверждение.

— Мы просто разговаривали.

— Он тебя обнимал.

— Рик...

— Тебе вообще нормально, что этот фрик постоянно крутится рядом?

— Он ничего мне не сделал, — устало выдыхаю.

Рик коротко усмехается, выворачивая руль.

— Конечно. Только потому, что я вовремя подошел.

Машина резко тормозит на перекрестке. Красный свет светофора окрашивает салон в тревожный, кровавый оттенок. В эту секунду я чувствую себя героиней какого-то дешевого фильма ужасов, где безумный ревнивец обязательно должен в финале прикончить свою несчастную девушку.

— Ты же понимаешь, какой он? Такие, как Шон, всегда тянут людей вниз.

Почему-то именно в этот момент я вспоминаю, как Шон только что смотрел на небо. Так спокойно и свободно, будто он сам и есть воплощение этой свободы.

— Он просто другой, — отвечаю, не отводя взгляд от окна. — Никого он никуда не тянет.

— Ты что, его защищаешь?

В ответ я просто молчу, не желая продолжать спор. Загорается зеленый. Оставшуюся часть дороги мы едем в тишине.

Когда машина останавливается у моего дома, Рик глушит двигатель, но не спешит открывать замки дверей, удерживая меня в салоне.

— Ник, — его голос звучит уже мягче. — Я просто переживаю за тебя.

Киваю в ответ.

— Ник, ты же знаешь, как ты дорога мне.

— Спасибо, что подвез, — перебиваю я, не желая в сотый раз слушать одни и те же дежурные рассказы про то, как сильно я ему нравлюсь и как я для него важна.

Рик жмет на кнопку, и двери отзываются коротким щелчком. Я дергаю ручку и покидаю салон.

Оказавшись в своей комнате, без сил плюхаюсь на кровать. На тумбочке возле будильника по-прежнему лежит брелок с листорезом от Криса, заставляющий меня взгрустнуть. А на полу, по-прежнему валяется старый скетчбук с недорисованным профилем.

Шон.

Этот рисунок сделан давно, когда мы еще были близки. Тогда каждый изгиб его лица, каждый мимолетный взгляд казались мне важнее всего на свете.

Я медленно провожу пальцем по графитовому наброску, вспоминая, как он лениво сидел в этой самой комнате, держа в руках гитару, и тихо смеялся над моими неуклюжими попытками «запечатлеть его истинную сущность» на бумаге.

Мой личный хаос. Моя глупая ошибка. Моя первая любовь, моя самая сильная боль и мой самый искренний смех.

.....

Мы сидим в моей комнате. Я стараюсь сосредоточиться на линиях, которые вывожу на листе, а Шон всеми силами старается меня отвлечь.

— Эй, ты вообще собираешься рисовать или просто будешь тупо тыкать карандашом в бумагу? — он ухмылялся,

не переставая подбирать аккорды на гитаре.

— Я рисую, и перестань меня торопить.

— Если ты сделаешь меня слишком сладким, я тебя убью.

— Попробуй хоть иногда быть скромнее, как нормальные люди, а не вести себя так, будто ты уже рок-звезда мирового масштаба.

Он лишь открыто смеется в ответ.

Ловлю каждую деталь его внешности, но Шон постоянно меня дразнит, нарочно меняя позы и строя глупые рожи.

— Стоп! — выкрикиваю, замахиваясь карандашом. — Замри на месте хотя бы на пару минут!

— Никки, я же артист! — он театрально прикладывает обратную сторону ладони ко лбу, заставляя меня усмехнуться.

В какой-то момент Шон садится прямо передо мной на пол.

Заглянув в скетчбук, он внимательно изучает набросок.

— А что, если я скажу, что ты рисуешь меня слишком скучным?

— Тогда я прямо сейчас добавлю тебе рога и длинный хвост! — изо всех сил стараюсь сохранить серьезный вид, но не выдерживаю и прыскаю со смеху.

— Эй! — возмущается Шон. — Тут слишком много тени на щеке. Я так буду выглядеть драматическим, а не дерзким!

— Серьезно? Тебе мало быть дерзким в реальной жизни?!

— Именно! Настоящий художник бы меня понял.

— Знаешь... Мне правда нравится, как ты смотришь на мир. Даже когда смеешься над моими «кривыми» линиями.

Шон моргает, слегка опешив от моей внезапной откровенности.

— Да ну?!

— Правда. И мне нравится, какой ты. Просто такой, какой есть.

Он придвигается чуть ближе. Замечаю, как его взгляд скользит по моему лицу с удивительной, непривычной для него теплотой.

— Никки... — говорит он почти шепотом, забирая у меня из рук карандаш. — Спасибо, что ты видишь меня настоящего.

— Всегда, — отвечаю я, не отрываясь от его почти черных глаз. — Я всегда буду видеть тебя.

.....

Тогда для нас существовали только он, я и наше творчество — его музыка и мои рисунки. Я даже делала пару вариантов для будущего альбома. Но Шон пока так и не записал его.

Все остальное просто не имело значения.

По крайней мере, так было для меня...

Я уже начала плавно проваливаться в сон, но резко зажужжавший на прикроватной тумбочке телефон нагло выдергивает.

вает меня обратно в суровую реальность.

Новое сообщение. Рик.

Цифры на экране светят так ярко, что глаза начинает печь, и мне приходится прищуриться.

Голова кажется тяжелой, мысли — вязкими, медленными, словно они застряли где-то между сном и явью. Ненавижу это состояние. Легкая дрожь разливается из груди по всему телу.

Тру лицо ладонью, пытаюсь побыстрее прийти в себя.

Рик, [23:02]:

Не спишь?

Рик, [23:05]:

У меня есть для тебя сюрприз.

Рик, [23:07]:

У тебя 10 минут, чтобы собраться.

Приподнимаюсь на локтях, чтобы было проще сосредоточиться на светящихся строчках. Увидев, сколько времени на часах, я чувствую, как сердце начинает биться быстрее — то ли от предвкушения, то ли от осознания, что этот безумный понедельник еще не закончился.

Черт, это определенно самый долгий день за последнее время. Кажется, жизнь просто издевается надо мной.

Сюрприз? Какой вообще может быть сюрприз после ситу-

ации на стадионе? Неужто голова Шона на подносе? — мрачно шучу я про себя и криво усмехаюсь.

Пальцы висают над клавиатурой. Всего десять минут на сборы. Я могу просто отказаться, сославшись на усталость, но как это будет выглядеть по отношению к нему? Ведь он что-то готовил, старался. Очевидно, что Рик продумывал этот некий сюрприз ради меня.

Такие спонтанные поступки — это ведь главный признак нормальных и даже хороших отношений.

Именно так все и должно быть: неожиданно, романтично, чуть-чуть безумно.

Или нет?!

Если подумать, Рик ведь совершенно не обязан тратить на меня свое личное время, помогать, дарить подарки, приезжать среди ночи, чтобы просто порадовать чем-то, и вообще быть рядом. Но он это делает. Значит, я ему дорога.

Никки [23:10]:

Хорошо.

На темной улице меня уже ждет мощный черный «Гелендваген» и ослепительная улыбка Рика.

Сжавшись в комок, осторожно иду в сторону машины, и невольно оглядываюсь по сторонам. Занавески соседского домика тут же испуганно дрогнули. Конечно. Миссис Картер — милая пожилая женщина, но в подобных моментах до безобразия любопытная. Ей всегда крайне интересно, что за

парень приезжает за мной почти каждую неделю и насколько серьезно все у нас продвигается. Возможно, она втайне мечтает о таком же успешном партнере для своей дочери. А может, просто наблюдает за нами от скуки, как за бесплатным сериалом. Достаточно однотипным и предсказуемым. А может мечтает о таком парне для себя.

— Привет, — Рик идет навстречу, раскрывая руки для объятий.

Он притягивает меня к себе, целует в лоб, а затем открывает дверцу пассажирского сиденья, приглашая войти.

Это выглядит мило, хоть и заставляет меня почувствовать себя неловко. Не так уж часто он включает режим джентльмена, и эта внезапная перемена немного настораживает.

— Ты такая красивая, Ник.

— Ты шутишь?! Я собралась всего за десять минут, а до этого уже почти спала.

Уверена, я сейчас выгляжу просто ужасно. Наспех натянула старые джинсы и объемную, толстовку, а непослушные волосы закрутила на макушке небрежным, растрепанным пучком. На моем лице нет ни грамма макияжа, а под глазами залегли легкие тени от вечного недосыпа.

В ответ на его лице проступает ленивая ухмылка.

— Куда мы едем? — поглубже вжимаюсь в пассажирское кресло, как только машина трогается.

— Увидишь, детка.

Автомобиль плавно набирает скорость. За окном проно-

сятся размытые вывески закрытых магазинов и силуэты раскидистых пальм. Салон наполняется тихим басом из динамиков. А я продолжаю молчать, отвернувшись к стеклу.

— Сегодня на трибунах... — начинает Рик спустя несколько минут пути.

Черт. Конечно. Мы все равно к этому возвращаемся.

— Все нормально, — быстро говорю я в надежде поскорее закрыть эту тему.

— Я знаю.

Повисает пауза. Он хмурится будто подбирает слова, чтобы смягчить этот диалог, а затем продолжает:

— Просто мне неприятно смотреть, как кто-то позволяет себе так обращаться с тобой.

В этот раз он говорит спокойно. Без привычной злости, открытой ревности и каких-либо обвинений.

— Шон... Он просто так шутит.

— Может быть. Но мне кажется, он затянет тебя назад. К тому хаосу.

— Мы давно уже близко не общаемся, — отмахиваюсь, уставляясь в окно.

Мы с Шоном никогда официально не встречались. Просто какое-то недолгое время были постоянно вместе. Не буду врать — был момент, когда я всерьез начала надеяться, что это превратится во что-то действительно настоящее. Но думаю, это была временная слабость из-за давящего одиночества. На первом месте у Шона всегда находилась музыка,

на втором — его тусовка, потом девушки, а затем уже я, где-то там, в самом конце. Он просто не умел принадлежать кому-то одному.

Рик знает эту историю вкратце. Знает, что у нас когда-то могло что-то получиться, если бы Миллер не был таким свободолюбивым и не игнорировал меня в тяжелые времена ради сохранения своего статуса.

Если бы он тогда выбрал меня вместо очередной репетиции, ночных поездок с группой, фанаток и спонтанных планов, то все могло бы сложиться иначе.

— Я отлично помню, какой ты была тогда, — негромко произносит Рик, плавно выворачивая руль. — Когда он просто уехал в тур со своими ребятами и какой-то очередной девкой. Даже не попрощавшись с тобой.

Сердце больно колет.

— Тебя тогда дразнили, — продолжает он. — Помнишь? Конечно, я помню. «Брошенка».

Смешки в коридорах. Постоянный шепот за спиной. Я делала вид, что не слышу, что мне все равно или что это все вообще не про меня. Но приходя домой, я плакала и злилась на себя и на Шона за то, что его не оказалось в те моменты рядом.

Это была средняя школа и Рик тогда встречался с другой девушкой, но часто наблюдал за мной. И за тем, как надо мной издевались.

— Ты была так разбита, Ник.

— Брось. Все не было так драматично, — выдавливаю фальшивую улыбку, видимо, пытаюсь убедить в этом в первую очередь саму себя.

— Было именно так, — жестко отрезает Рик.

Он бросает на меня короткий взгляд.

— И если ты забыла, я напомним: это я сделал так, чтобы они все заткнулись. После того как я начал встречаться с тобой, все разговоры прекратились.

Неприятно признавать, но это чистая правда. Стоило нам официально появиться вместе — слухи и насмешки мгновенно прекратились.

— Я не хотел, чтобы кто-то смотрел на тебя с жалостью, — продолжает Рик. — Я сделал это не из жалости. Ты мне понравилась. И нравишься. Я просто не могу спокойно смотреть, как этот придурок снова делает из тебя зверушку, с которой можно повозиться в перерывах между тусовками.

Мне нет никакого смысла оправдываться или пытаться опровергнуть слова Рика. Все происходило именно так. Получив приглашения выступать на вечеринках и популярность у старшеклассниц, Шон просто-напросто забыл про мое существование.

— Я стараюсь, чтобы ты больше никогда не чувствовала себя так, — добавил Рик, накрыв своей ладонью мою руку.

Он говорит обо всем так, будто я тогда стояла на самом краю пропасти, а он подхватил меня закинув в свои крепкие объятия. Наверное, я совру, если скажу, что это было не так.

Значит ли это, что я навеки обязана ему?

— Ты просто пока не понимаешь, Ник, — продолжает он свой длинный монолог. — Я хочу для тебя только лучшего.

Ничего не отвечаю, только наблюдаю за мелькающими огнями ночного города.

Мне становится стыдно за то, что я до сих пор вспоминаю Шона без капли злости. Возможно, действительно стоило бы ненавидеть его или по крайней мере относиться к нему с полным безразличием.

Когда машина наконец останавливается, дух перехватывает от увиденного.

Перед нами возвышается роскошное здание с мягкой архитектурной подсветкой. Огромные панорамные окна, сквозь которые виден дорогой интерьер. Красивейшая терраса, украшенная гирляндами с теплым светом и шелковыми балдахинами.

Вокруг ходят люди в вечерней одежде и элегантных костюмах.

И посреди всего этого великолепия — я.

В своем заношенном черном худи и затертых джинсах.

— Рик... я...

— Расслабься, детка.

Он касается моей спины, направляя внутрь заведения.

Нас встречает роскошный зал с приглушенным светом. По углам и на столах стоят винтажные вазы с живыми цветами. На небольшой сцене скрипач играет что-то из классики,

и мне снова становится стыдно — теперь из-за того, что я понятия не имею, что это за композиция.

Официант улыбается Рiku так, будто они знакомы уже целую вечность.

— Добрый вечер, мистер Робинсон.

Мистер. Хах. И что я вообще здесь делаю?!

Открыв меню, я каменею и тут же захлопываю кожаную обложку. Цены здесь просто нереальные. Один салат стоит как мой месячный запас продуктов!

— Мы возьмем рибай средней прожарки, чилийского сиба-са и две бутылки минеральной воды, — спокойно произносит Рик, возвращая меню официанту.

— Но я даже не выбрала...

— Я знаю, что тебе это понравится, — мягко перебивает он, а потом решает выкинуть смешную на его взгляд шутку.

— Ник, ты как-то напряжена. Расслабься, ты не на трибунах. Но с чувством юмора у него так себе.

— Просто... я к такому не привыкла... И вообще-то я не чувствовала себя напряженно на стадионе, — решаю возразить, но тут же осекаюсь под его прямым взглядом.

— Правда? — краткий вопрос, который мгновенно заставляет меня сомневаться.

Может, и правда... все же чувствовала?

— Ты просто пока не понимаешь, детка. Я хочу, чтобы ты привыкала к лучшему. Знаешь... — продолжает Рик, сделав глоток воды, которую подают сразу же. — Все эти подъемы в

пять утра с раннего детства, тренировки через адскую боль, отец, который никогда не принимал моих «не могу» ... Раньше я думал, что он жестокий, а потом понял. Дисциплина — это залог счастливой и комфортной жизни. Если бы отец меня жалел, я бы ничего не добился. А теперь я могу обеспечить будущее. Наше будущее, Ник, — Его тяжелая ладонь ложится поверх моей. — И я хочу разделить его с тобой.

Черт, это что, предложение? Не найдя, что ответить на такое признание, я лишь натянуто улыбаюсь и опускаю глаза, изучая столовые приборы. Их тут лежит целых шесть штук около одной моей тарелки!

Еда оказывается слишком идеальной. Я стараюсь есть медленно, будто посещаю подобные рестораны каждую неделю и для меня все это вообще не в новинку.

Но на самом деле я делаю все максимально не спеша, всю наблюдая за другими столиками, чтобы случайно не выдать, что я понятия не имею, как пользоваться приборами.

Обращая внимание на людей вокруг, я изучаю их плавные движения, уверенные жесты, сдержанную мимику и манерность. Все женщины здесь облачены в дорогие вечерние платья, а мужчины даже не смотрят на цены в меню. Они смеются, непринужденно делятся тем, как прошел день, флиртуют и излучают такой лоск, что я вдруг чувствую: мне нужно сидеть ровнее, говорить тише и даже дышать аккуратнее.

Рик тем временем увлеченно расписывает планы на будущее — престижный колледж, спортивные контракты, без-

граничные возможности. Мир, где все абсолютно стабильно и доступно. Без вечного страха за завтрашний день и без мыслей о том, что снова будет нечем оплачивать счета.

— Люди вроде Шона живут моментом, — говорит он как бы между прочим, прожевывая сочный стейк. — Это выглядит красиво в семнадцать, но становится разрушительным после двадцати.

Когда дело доходит до десерта, он вдруг достает из кожаного коричневого портфеля большую белую коробку. Оказывается, этот портфель все время стоял у его ног, а я совершенно его не замечала.

Я настолько ошеломлена, что на секунду перестаю дышать. На глянцевом картоне красуется надпись iPad Pro.

— Это же... Это слишком, Рик, — заминаюсь я, совершенно не зная, как правильно реагировать на такие дорогие подарки.

— Для моей девушки — нет, — уверенно заявляет он. — Ты рисуешь. Ты талантлива. Это именно то, что тебе необходимо для творчества. И я хочу, чтобы ты развивалась и не упускала свои возможности, детка.

Естественно, я, выдавив наигранную улыбку, принимаю коробку.

Этот планшет действительно долгое время был моей самой заветной мечтой, и его появление приятно шокирует. В любой другой ситуации я бы прыгала от восторга, но прямо сейчас чувства настолько неоднозначны, что мне приходит-

ся фальшивить.

Все эти разговоры о Шоне, дискомфорт от того, что я сижу в заношенном худи среди богатых людей, внезапно всплывшая в памяти прогулка с Крисом, заставляющая чувствовать себя виноватой... Все это смешивается в один противоречивый коктейль.

— Я не хочу, чтобы ты чувствовала, будто обязана мне, — мягко добавляет Рик. — Просто наслаждайся.

И именно в этот момент я чувствую, что обязана ему.

По дороге домой я крепко держу подарок на коленях, снова уставившись в боковое окно.

Рада я или нет? Стоит ли прислушаться к Рику? Принимая такие подарки, не получится ли однажды так, что я уже не смогу сказать «нет»?

Электронные часы на панели автомобиля показывают три часа ночи, и я, если честно, порядком устала от этого бесконечного дня.

— Ты счастлива, Ник? — вдруг спрашивает Рик, притормаживая у моего дома.

Я просто молча киваю.

Вернувшись в свою комнату, аккуратно кладу планшет на стол, рядом со своим потрепанным скетчбуком.

Слезы подступают к глазам. Ведь все выглядит так идеально. Парень, который заботится обо мне, делает сюрпризы, рассказывает о нашем совместном будущем. Жизнь, о которой мечтают тысячи девчонок.

Так почему тогда... если все настолько правильно... мне так трудно дышать рядом с ним?

Если любовь должна выглядеть именно так — красиво, ярко и дорого, то почему внутри меня с каждой секундой нарастает тревога? Может, я просто не привыкла к хорошему отношению? Может, мне комфортнее находиться в привычном хаосе, потому что я сама и есть этот хаос? И вся проблема только во мне?

Глава 5. Переходный процесс

ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ: ЛИСТОРЕЗЫ

Запись #6

При возникновении критических ситуаций на тропе крупные фуражиры листорезов способны отдавать ценные ресурсы или собранную добычу более мелким, хрупким особям. Путем взаимного обмена питательными веществами сильные муравьи помогают слабым членам гнезда выжить в агрессивной среде и восстановить координацию.

Часы на тумбочке показывают 7:15. До выхода в школу остается всего пятнадцать минут, а я абсолютно не готова к этому дню. Голова трещит, больно касаться кожи, как будто она в ожогах, каждый вдох дается с трудом и получается прерывистым. Так на мне сказывается жесткий недосып.

Несколько долгих минут я сижу на краю кровати, тупо глядя в пол, и пытаюсь собрать себя воедино. Прокручиваю в голове вчерашний день, и он напоминает сон при температуре под сорок. Прогулка с Крисом, трибуны с Шоном, ужин с Риком, подарок... Это вообще моя жизнь?

Помотав головой в надежде вытряхнуть эти мысли и заставив себя подняться, я натягиваю старенькую футболку, клетчатую рубашку, джинсы — все, что лежит на видном месте. Кое-как собираю волосы в небрежный хвост, какой толь-

ко можно сделать, и направляюсь на кухню. Оставленные мамой панкейки проглатываю механически, даже не ощущая вкуса.

Если честно, я уже так устала от постоянного хаоса в своей жизни. Хочется просто уехать куда-нибудь на природу, хотя бы на пару недель, и ни с кем не контактировать. Уверена, это помогло бы мне наконец разобраться в себе, откинуть все лишнее и понять, чего я хочу от этой жизни. На носу выпускной, а я, в отличие от остальных одноклассников, совершенно не выбрала, куда буду поступать.

Все это дико изматывает.

Когда я наконец оказываюсь в школе и дохожу до своего локера, мой взгляд невольно цепляется за Кристофера, и я замираю на месте. Даже правильнее будет сказать — каменею.

Он стоит рядом с какой-то незнакомой мне девчонкой и разговаривает так спокойно и увлеченно, будто они знакомы всю жизнь и они — самые близкие друг другу люди.

Возможно, мне так кажется просто потому, что ранее я никогда не видела, чтобы он с кем-то так мило общался. Да и вообще, чтобы с кем-то общался.

Она невысокого роста, очень миниатюрная, с вьющимися каштановыми волосами, собранными в аккуратный пучок и заколотыми простым карандашом. Две тонкие пряди нежно обрамляют ее миловидное лицо.

Классическая белая рубашка, заправленная в черную юб-

ку в складку, аккуратно закатанные рукава, высокие белые гольфы поверх черных колготок в сетку и блестящие черные лоферы с маленькими бантиками. Все это создает ощущение, что она вышла из какого-то аниме.

От этой картины внутренности неприятно скручивает в тугой узел.

Черт. Понятия не имею, кто она такая и почему вдруг я обратила внимание на их общение. Мне должно быть все равно. Абсолютно все равно. Но почему-то не получается.

Эта мысль заставляет сердце биться гораздо быстрее. Чем дольше я наблюдаю за их диалогом, тем сильнее чувствую, как неприятный холодок начинает медленно расползаться по всему телу.

— Эй, привет! — внезапно выскакивает сбоку Лиза, заставляя меня испуганно вздрогнуть. — Тебя вчера не было на уроках, ты как?

— А с кем это Крис?.. — вырвалось у меня раньше, чем я успела подумать и вовремя проглотить этот глупый вопрос.

— М? — подруга оборачивается, слегка прищурив глаза. — А, это Эвелин Найт. Она из научного клуба. Учится классом младше.

— Понятно... — открываю локер, делая вид, что усердно ищу тетрадь, хотя все мои мысли сейчас заняты другим.

Я даже не соображаю, какой именно предмет будет следующим, и просто бессмысленно копаюсь в ящике.

— А почему ты спрашиваешь? Все-таки я права, и тебе

интересен Эванс? — хитро протягивает Лиза, игриво подталкивая меня локтем в бок.

— Да, интересен... не больше, чем лягушки на препарировании, — язвительно выпаливаю. — Просто показалось, что я ее где-то видела.

Лиза лишь загадочно улыбается и взяв меня под локоть тащит в сторону кабинета:

— Ладно, пойдем, пока мистер Питт не включил свой фирменный режим «вы опоздали на пять секунд» и не заставил нас пожизненно отмывать лабораторную посуду.

— В смысле?! Мистер Питт?! — резко замираю на пороге класса.

— Ну да. Ты забыла? Он временно ведет у нас химию. Мистеру Харрису так и не нашли постоянную замену.

Черт. Точно. Я зачем только я выбрала все те уроки что и Лиза. Одни проблемы от этого.

Войдя в класс, я сразу замечаю суету. Все перемещаются с места на место, шепчутся и разбиваются по парам. Через минуту становится понятно, в чем причина переполоха: лабораторная работа.

Я, как обычно, сажусь вместе с Лизой. Мы занимаем дальний стол и принимаемся изучать выданную инструкцию.

— Так, все разбились по трое? — громко спрашивает мистер Питт, прохаживаясь между рядами. — Кристофер, присоединись к Николь и Лизе, им как раз не хватает одного человека для комплекта.

Мистер Харрис всегда делил нас строго по двое, но этот биолог... Кажется, его главная кармическая задача — окончательно испортить мою жизнь и постоянно сталкивать лбом с Эвансом!

— Отличная оценка нам теперь точно обеспечена, — шепчет Лиза, едва сдерживая хитрую улыбку.

Крис молча кивает мистеру Питту, подходит к нашему столу и садится по левую сторону от меня.

Чувствую, как внутри все напрягается, а щеки почему-то начинают теплеть. В кабинете становится жарко. По крайней мере, мне.

— Только не спали кабинет, — зачем-то бурчу я под нос, подсаживаясь ближе к штативу.

— Только если ты не подкинешь пару искр, — отшучивается Крис.

Щеки вспыхивают еще сильнее, и все мое тело начинает пылать так, будто под кожей растекается кипящая лава. Я едва могу сосредоточиться на строчках инструкции. Но чтобы не подавать вида, что мне чертовски неловко после вчерашнего, я решаю продолжить этот нелепый диалог и выдать ответную колкость:

— Не уверена, что это хорошая идея. В прошлый раз из-за меня дома чуть не сгорел тостер.

Да уж, шутки — точно не мой конек.

— Предупрежден — значит вооружен, — отвечает Крис, не отрывая взгляд от инструкции.

Затем он берет тонкий металлический шпатель и начинает сосредоточенно насыпать синие кристаллы в стеклянную пробирку. Его рука слегка дрожит, и несколько крупинок срываются с кончика инструмента, падая на стол.

Крис недовольно нахмуривается и протирает поверхность бумажной салфеткой.

— А ты всегда такой сосредоточенный или только когда работаешь в паре со взрывным элементом? — с глупой усмешкой вырывается из моего рта.

Но осознав, насколько двусмысленно и нелепо это могло прозвучать, я зажмуриваюсь в отчаянной надежде прямо сейчас провалиться сквозь землю.

ЧТО. Я. ТОЛЬКО. ЧТО. СКАЗАЛА?!

Лиза удивленно поднимает брови, а я сжимаю пальцами ручку так сильно, что она издает тихий хруст. Кристофер тоже бросает на меня удивленный взгляд, но ничего не говорит.

— Никки, подай фильтр, — торопит Лиза, забирая мою тетрадь, чтобы продолжить записывать формулу.

Ее голос становится настоящим спасательным кругом в море стыда, в котором я стремительно иду ко дну.

Поспешно хватаю нужный предмет и передаю его подруге, стараясь вообще не смотреть на Криса и сделать вид, будто его здесь нет. Но полностью оторвать взгляд оказывается выше моих сил. Боковым зрением я отчетливо его легкую, едва заметную улыбку и от этого улыбаюсь сама.

Приходит время создавать реакцию, и я аккуратно, строго следуя инструкции, добавляю универсальный индикатор в пробирку, которую подготовил Крис. Легким круговым движением покачиваю химический раствор, ставлю его на плитку для нагрева, и мы все трое уставляем на стекло в ожидании чуда.

Цвет жидкости медленно меняется, плавно переливаясь от насыщенного синего к глубокому фиолетовому. Я наклоняюсь ближе, замороженная этим красивейшим переходом оттенков.

— Черт. Как красиво... — выдыхаю почти шепотом.

— Переходный процесс, — тихо произносит Крис, наклоняясь к пробирке рядом со мной. — Обычно он всегда самый красивый.

— Но и самый нестабильный, верно? — я подпираю подбородок рукой, не отводя взгляда от меняющегося цвета, будто этот раствор прямо сейчас является точным отражением того, что творится у меня внутри.

— Зависит от соотношения компонентов и температуры, — отвечает Эванс, переводя свой взгляд на меня.

— А у нас правильное соотношение?

— Увидим позже, по результату.

— Или по последствиям... — бормочу, чувствуя, как кожа на руках покрывается мурашками.

Он сидит слишком близко. Так близко, что я физически ощущаю тепло, исходящее от его тела, совсем как тогда, в

парке. И все снова повторяется — мне становится сложнее дышать, думать, двигаться. Такое чувство, что когда Кристофер находится рядом, сбиваются абсолютно все мои внутренние настройки.

Заметив, что я замерла как последняя идиотка, сверкая багровыми щеками, Лиза демонстративно прокашливается, с глухим стуком захлопывая тетрадь.

— Готово! — отрезает она.

Я быстро моргаю и делаю жадный вдох, будто только что вышла из глубокого транса. Насильно отрываю взгляд от стеклянной пробирки, быстро выключаю нагревательную плитку и с небрежной торопливостью принимаюсь протирать поверхность стола.

Каждое движение выходит резким и неуклюжим, потому что мое тело не особо слушается. Через размеренное дыхание я стараюсь вернуть контроль над собой как можно скорее.

Лиза методично складывает использованную лабораторную посуду в пластиковый контейнер, а Крис склоняется над нашей тетрадью, проверяя формулы, записанные подругой.

Остальные ребята в классе тоже начинают заканчивать эксперимент. Тихая, сосредоточенная атмосфера в кабинете постепенно сменяется на шумную подготовку к окончанию урока.

Закончив с лабораторной посудой и обрадовавшись звонку свободы, быстро сгребаю свои учебные принадлежности

в рюкзак и спешу к выходу, стараясь проскочить в двери до того, как плотный поток учеников полностью перегородит проход.

У автомата с напитками в конце коридора я опираюсь спиной о прохладную стену и закрываю глаза. Сердце бешено бьется о ребра, а мысли путаются. Я пытаюсь понять, почему так неловко чувствую себя рядом с Эвансом. Почему, когда он находится близко, я буквально столбенею, а мои шутки становятся глупыми? Мне то становится жарко, то бросает в холод, то кожу покрывают мурашки, то неприятным узлом стягивает все нутро.

— Переходный процесс... — повторяю я шепотом, не отрывая глаз. — Ну так новость...

Точно так же, как в нашей пробирке: безумно красиво, но нестабильно. И, черт возьми, абсолютно непредсказуемо.

Сегодня я обратила внимание его запах... Он будто все еще ощущается в воздухе. Тонкий, едва уловимый, слегка мыльный, с проступающими древесными нотками... кедра? Я плохо разбираюсь в ароматах, но это похоже на кедр.

Словно свежесвыстиранные чистые простыни, в которые хочется уткнуться лицом после тяжелого дня. Запах абсолютного уюта и покоя. Такой, что возле него начинает казаться, будто все вокруг в полном порядке, даже если раствор в пробирке сейчас взорвется. Да, даже если весь этот безумный мир рухнет.

Крис пахнет как прохладный утренний воздух в горах, ко-

того мне так сильно не хватает последнее время.

Мне нравится просто стоять так и фантазировать о том, на что похож его аромат. Это превращает мой внутренний хаос в приятную тишину.

— Эй, Никки! Ты почему так быстро убежала? — выдергивает меня из мыслей звонкий голос Лизы, заставляя схватиться за сердце от неожиданности.

— Просто захотелось вдохнуть свежего воздуха... после всей этой химической реакции, — выдавливаю кривую улыбку, нервно заправляя за ухо выбившуюся прядь волос.

— Ладно, пойдем в кафетерий, холодный «Доктор Пеппер» точно поможет тебе прийти в себя, — ободряюще произносит подруга.

Молча киваю и следую за ней. По пути через центральный холл снова вижу Криса рядом с Эвелин. Они о что-то увлеченно обсуждают у стенда объявлений. Сжимая лямку рюкзака крепче, я отворачиваюсь, делая вид, будто совершенно не замечаю их.

Подойдя к стойке с едой, принимаюсь наполнять поднос всем, что подворачивается под руку.

Лиза берет легкий салат, диетическую колу и яблочные дольки. Я же выбираю кусок пиццы, картофель фри и любимый вишневый «Доктор Пеппер».

— Снова картофель фри? — цокает подруга, неодобрительно покачав головой.

— Снова диетическая кола? — поддразниваю я.

— Ну, я вообще-то пытаюсь похудеть! Не за горами выпускной, Тернер!

— О да! Диетическая кола — святая вода всех худеющих, — усмехаюсь, пока мы занимаем наш столик у окна. — Ты и так прекрасно выглядишь, Лиз.

Подруга только фыркает в ответ.

— Слушай... а откуда ты вообще знаешь про эту Эвелин?

— М? — Лиза на секунду замирает с трубочкой во рту.

— Ну, то, что она в научном клубе вместе с Крисом и что учится на класс младше.

— А, это... Кто-то из парней из команды Алекса жаловался, что никак не может подкатить к новенькой.

— А Алекс, конечно же, не пропустит ни одной сплетни. Понятно.

— Привет, девчата! — радостно вмешивается в наш разговор тот самый Алекс, подсаживаясь за стол вместе с Риком.

Оба парня уже щеголяют в ярких джерси своей футбольной команды «Торнадо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.